

• Одесса 1939 г. •

ИРИНА ЛЮБУСОВА

Согласившись не по своей воле сотрудничать с НКВД, Зинаида Крестовская прекрасно осознает, что спокойной жизни у нее больше не будет. Однако реальность оказывается страшнее любых ее предположений. Пытаясь понять происхождение старинной книги, страница из которой случайно попадает ей в руки, Зина с изумлением обнаруживает, что за ней охотится не только она, но и НКВД. А еще не менее страшная организация...

ДНЕВНИК ПРИЗРАКА

FOLIO

Ретророман

Ирина Лобусова

Дневник призрака

«ОМІКО»

2020

УДК 821.161.1(477)

Лобусова И. И.

Дневник призрака / И. И. Лобусова — «ОМІКО»,
2020 — (Ретророман)

ISBN 978-966-03-9078-2

Согласившись не по своей воле сотрудничать с НКВД, Зинаида Крестовская прекрасно осознает, что спокойной жизни у нее больше не будет. Однако реальность оказывается страшнее любых ее предположений. Пытаясь понять происхождение старинной книги, страница из которой случайно попадает ей в руки, Зина с изумлением обнаруживает, что за ней охотится не только она, но и НКВД. А еще не менее страшная организация... Что же такого в этом манускрипте? Почему при его поисках гибнут люди? Эта тайна не дает покоя Крестовской.

УДК 821.161.1(477)

ISBN 978-966-03-9078-2

© Лобусова И. И., 2020
© ОМІКО, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Ирина Лобусова

Дневник призрака

© И. И. Лобусова, 2020

© Е. А. Гугалова-Мешкова, художественное оформление, 2020

© Издательство «Фолио», марка серии, 2018

Глава 1

**Чумазый моряк
в тулупе, подпоясанном
веревочкой, перегнулся
через шаткий борт
рыбачьего баркаса,
вглядываясь в ревущее,
черное море.**

Ночь с 31 октября на 1 ноября 1827 года, Одесса, побережье Большого Фонтана

– Не пристанем здесь, барин, – чумазый моряк в тулупе, подпоясанном веревочкой, перегнулся через шаткий борт рыбачьего баркаса, взглядываясь в ревущее, черное море. Несмотря на пронизывающий холод приближающейся зимы и штормов, был он без шапки, и, взъерошенные ветром длинные волосы его торчали на голове, напоминая средневековый шлем, страшный в ненастной ночи.

– Почему это? – Единственный пассажир рыбачьей посудины прислонился к шаткой дощатой перегородке, изо всех сил стараясь удержаться на ногах. Шторм еще не разыгрался вовсю, но белые гребни черных волн, поднимающиеся из глубины, выглядели тревожно. И над всем этим – над пенными гребнями, над черным морем – стоял гул, не проходящий, пугающий гул, в котором не было никаких человеческих звуков.

Это был рокот моря – страшный звук близкой непогоды, хорошо знакомый всем морякам и пугающе безнадежный для тех, кто никогда не отплывал далеко от суши. Этот звук говорил о силе, самой мощной и свирепой силе на земле, способной сломать человеческую волю, как тоненьку тростинку.

Казалось, в безбрежных недрах кто-то завел громовую, грохочущую машину, готовую вот-вот вырваться на волю и уничтожить всё, живущее на темной, ночной земле.

– Шторм к ночи будет, – объяснил терпеливо моряк, привыкший к ничего не понимающим в море пассажирам. За свой век он перевез их немало. В основном это были контрабандисты, сопровождающие товар иностранные купцы, ступившие на путь контрабанды ради быстрого обогащения и не всегда достигнувшие в том успеха. Были и беглые каторжники, и лихие люди, объявленные в царский розыск. Именно для всех них и существовал тайный морской путь, приносящий гораздо больше прибыли, чем обычная торговля рыбой.

– А сейчас что, не ночь? – удивленно произнес пассажир, с тревогой взглядываясь в черное небо, на котором уже невозможно было разглядеть туч.

— Э, барин… Да какая ж это ночь… — снова вздохнул моряк, изо всех сил пытаясь сохранять терпение, — к зиме темнеет рано. И девяты склянок не пробило. А вот часика за два до полуночи громыхнет. И хорошо бы подальше отойти… Ты покумекай, барин, пошто животом рисковать хочешь. Говорю тебе: не пристанем мы здесь, о мыс собыет. Вот видишь, никак не подойдем.

— Что ты имеешь в виду? — строго спросил пассажир.

— Приливом собыет. А коли шторм разыграется, то кинет прямиком на камни мыса Большой Фонтан. Знаю я, тута не раз ходил. Тут в спокойную погоду подходить надо, тихим днем. А не до тогда, когда море до тебя говорит.

— Море говорит? И что же? — усмехнулся пассажир.

— Говорит, — кивнул моряк, удивляясь про себя непонятливиости пассажира, — говорит, что шторм будет. Нельзя к берегу подходить. Волной прилив собыет.

— Мне на берег надо, — сердито отрезал пассажир, оторвавшись от дощатой перегородки. Словно стремясь проверить слова своего перевозчика, он вцепился в самый борт рыбачьего баркаса, и хлипкое дерево застонало под его весом, — мне на берег надо до утра сойти. За что я тебе золото плачу?

— Понимаю, барин, ты щедро платишь, — вздохнул моряк, — да только нет такого золота, шоб морем командовать. Это не я ему говорю, а оно мне. А до утра ты поспеешь. Вот в море как отойдем, так я тебя до утра и доставлю. Попомнишь.

— А если утром шторм разыграется? Что тогда? Как доставишь? — снова усмехнулся пассажир, однако в усмешке этой не было ничего доброго.

— Ну, это как Бог, Господь наш Вседержитель управит, — перекрестился моряк, — не в моей-то власти, барин.

— Вот что, голубчик, ты мне тут шутки не шути! — Пассажир внезапно вытащил из-за пояса револьвер и взвел курок. — Ты не на того нарвался! Сказано тебе: на берег, значит, до берега пойдешь.

— Да ты хоть сто раз из пыркалки своей пуляй, а до берега не пойду! — скривился моряк. — Впрочем, — через минуту сказал он, — есть для тебя выход. Спуши шлюпку на воду, и коли не побоишься-то рискнуть, сам тебя на берег и свезу.

— Вот это другой разговор! — обрадовался пассажир, пряча за пояс револьвер.

— Э… лихой ты человек, смотрю, барин… — Моряк с укором покачал головой.

— Лихой, — уже совсем весело согласился пассажир, — а ты думал, кто по ночам-то под зиму по морю шастает? Оттого и денег много, что лихой. Так что, братец, ты мне зубы не заговаривай, а спускай-ка на воду шлюпку, да поспешим с Божьей помощью. Если пошевелишься, еще до шторма в море уйти успеешь. А я тебе золотишко-то прибавлю, не поскуплюсь.

Моряк бросился быстро готовить шлюпку, искоса поглядывая на пассажира и думая о том, что недаром этот тип с самого начала показался ему странным. И если б не полное безденежье, в котором оказался после того, как с неудачным рейсом его накрыла таможня и отобрала все, ни за что не взял бы его на борт.

Это был еще молодой мужчина, не старше 40 лет. Выглядел он и говорил так, как говорят и выглядят только благородные, а на благородных с деньгами у моряка был тот еще нюх! Одежда у пассажира была высшего сорта — ткань дорогая, а сукно — так из такого сукна только по Парижам и шьют. К тому же, цепочка для часов, брелоки и портсигар были из чистого золота — моряк подсмотрел, когда пассажир прикуривал сигару. И хотя сел он в Румынии, было видно, что прибыл проездом, через много стран.

Просьба отвезти его к одесскому побережью не выглядела странной. Странны были два армейских револьвера да охотничий нож. Этот арсенал моряк разглядел, когда мужчина входил в хлипкую единственную каюту, предназначенную для перевозки пассажиров. Он вошел на

борт с одним саквояжем – и моряк подозревал, что в саквояже из оружейного арсенала может быть что-то еще.

Впрочем, и сам моряк, хозяин рыбачьего баркаса, и его малочисленная команда были приучены помалкивать обо всем, что видели, крепко держать язык за зубами. Тем и жили все это время, старательно перевозя контрабанду и людей. А потому странный пассажир попал в подходящее место – несмотря на все свои странности.

«Разбойник с большой дороги, – думал про себя моряк, – или того похуже – лихой убивец, бандит, по которому каторга плачет. Наверняка ждут его в Одессе головорезы, с которыми богачей будет как семечки лущить, на ножи выставлять. Ну да бог с ним, нехай лущит, раз мне золото платит. Только вот держать с ним надо ухо востро».

Моряк и рад был, что пассажир решил покинуть корабль и высадиться на берег. Оно-то и хорошо, если б не шторм. И почему нельзя было послушать разумного совета и переждать шторм в безопасном месте? Часом раньше, часом позже – чего тут вообще спешить? Но делать было нечего. Моряк помнил холодный блеск револьвера – он выглядел гораздо страшнее, чем море перед штормом. Поэтому выхода не было.

Вид черного штормового моря несколько поубавил решимость зловещего пассажира. Старая шлюпка качалась на волнах как яичная скорлупа в ведре с водой. Ужас внушала одна только мысль: лишь шаткие доски станут преградой для пугающей, черной пучины. Пассажир побледнел. Это было видно даже в тусклом свете корабельного фонаря, который матрос из команды держал над головой в то время, когда хозяин баркаса и мужчина по веревочной лестнице спускались в пляшущую на волнах шлюпку.

Привязанная канатом к борту баркаса, шлюпка была закреплена надежно, однако волны все равно перекатывались через борт. Соленые, острые брызги пенных морских барашков, гонимые ветром, накрывали их обоих, и было ощущение, что по лицам хлещут мокрые ветки деревьев, изо всей силы разрезая воздух.

– Отчаянный ты, барин, однако, – с неким подобием уважения произнес моряк, когда странный пассажир спрыгнул в лодку, опасно накренившуюся на правый борт. Веревочную лестницу тут же подняли наверх.

– Ну шутишь, барин? – переспросил он еще раз.

– Отвязывай! – жестко скомандовал пассажир, усаживаясь на скамью.

Моряк быстро отвязал канат и начал грести к берегу. Волны помогали ему, придавая лодке необходимую скорость.

– Видишь, барин, как к берегу несет, – сказал моряк, прерывая наступившую в лодке тишину, – на камнях точно бы разбились! Острые камни у берега. В борт суденышку камень – и поминай как звали. Насмотрелся я здесь такого.

– Как ты знаешь, куда плыть в такой темноте? – спросил пассажир, с тревогой вглядываясь в сплошную, плотную, как покрывало, тьму.

– Так не один год тут плаваю, – улыбнулся моряк, – море, почитай, как дом родной.

– Значит, берег близко? – Мужчина все еще с тщетной надеждой что-либо разглядеть смотрел вперед.

– До берега рукой подать! – уверенно ответил моряк.

– А что ж, тут люди не живут, что ли? – удивился пассажир.

– Как не живут? Барин, ты что? – не понял его моряк, орудуя веслами с такой силой, что на лбу его выступал пот, смешиваясь с солеными брызгами.

– Почему ж тут нет огней на берегу? Маяк или хотя бы костер? Для кораблей?

– Ты что, барин! Не зажигают огни у нас здесь! Плохое место, чтоб зажигать огни! Вот те крест, нельзя!

– Почему же? – в голосе мужчины снова послышалось удивление.

— Сколько душ погубили огни тут, что монастырь даже построили на холме, загубленные души отмаливать, которые огонь на камни приманил...

— Монастырь, вот как? — заинтересовался пассажир. — А ну расскажи!

— Да, монастырь, барин, с 14 года стоит. Свято-Успенский мужской монастырь. Там и странноприимный дом есть. Ты, барин, как пристанем, в город не ходи, лихие люди по ночам здесь бродят. Ты лучше в странноприимном доме у монахов пережди, а как рассветет, по своим делам пойдешь.

— Так я и сделаю, — очень серьезно отозвался пассажир. — Плохая идея — по ночам в непогоду бродить. А что же монахи, всех странников принимают?

— Божьи люди они, — оставил на мгновение весло, моряк быстро перекрестился. — О душах, загубленных в море, молятся. Обо всех душах.

— Так что ж это за место такое, где построили монастырь? Ты начал говорить, так расскажи! — В голосе пассажира зазвучал настоящий интерес.

— Плохое тут место, камни. К берегу просто так не пристанешь. А в ненастную погоду так особенно. Ко дну корабль сразу пойдет. Там, на холме, наверху, было поместье барина одного. Говорили, родом он был из молдавского княжества. Александр Теутул его звали вроде.

— Да, верно, — кивнул пассажир, — я слышал о нем. Ты дальше продолжай.

— Так вот, лихой был барин, — начал моряк, не забывая налегать на весла. — И очень богатый. Поговаривали... А это совсем недавно было, еще живы те, которые за то все помнили. И мне тогда, лет тринадцать назад, говорили, как вот сейчас помню...

— Ты кота за хвост не тяни! — рассердился пассажир. — Дальше давай!

— Я и не тяну, барин. Это присказка такая. Сказка будет впереди, — вздохнул моряк, сдерживаясь явно потому, что вспомнил о двух револьверах. — Так вот. Злой был тот барин, лихие дела делал. И поговаривали, что в ненастные ночи он специально на берегу огни разжигал, большие костры заводил... Ну, чтоб заманивать суда на острые камни. На кораблях-то думали, что это маяк показывает прямо путь к пристани. И шли на острые камни и разбивались. А люди барина этого потом ценные вещи с разбитых судов собирали. И потому был он очень, очень богат. Многих так он погубил. И вот в одну ночь, как всегда, велел он разжечь большой костер на берегу, на холме, высоко, чтоб далеко в море его было видно. А ночь была ненастная, штормовая, к берегу ни за что не пристать. И разглядели этот огонь с греческого судна. Оно-то в чужих водах было, не знал, как в безопасное место спрятаться. А тут — огонь на берегу, значит, порт. Очень люди на судне том обрадовались. И капитан велел взять курс на огни — прямиком на острые камни. В общем, когда поняли они, что это камни, было уже поздно — корабль попал на них на большой скорости и затонул прямо там, у берега. Все греки погибли...

— Да, печальная история, — вздохнул пассажир, — однако мародерство на опасных рифах — не новость. В Средиземноморье на островах большинство местных рыбаков так живут... На Мальте, к примеру, есть целые семьи, которые разбогатели таким способом.

— Да ты дальше слушай, барин, — бесцеремонно перебил его моряк, — что дальше-то было...

— Ну, говори! Хороша побасенка, — насмешливо фыркнул мужчина.

— Погибли, значит, все они на том греческом корабле... — Рассказчик сделал вид, что пропустил колкую реплику мимо ушей, — а среди них парнишка один был... Совсем молоденький. И на груди у него медальон был совсем простой с лицом Пречистой Богородицы, из дерева вырезанный, на веревочке. Тело его на камни выбросило вместе с остальными. Люди барина взялись погибших обыскивать, один глядь — медальон, рванул с шеи. А потом понял, что простой он, дешевый, мертвого и в море выбросил. Ну и парнишку туда же отправил.

И в ту же ночь явилась к лихому барину сама Богородица призвать его к ответу. Да так страшно явилась, что барин всю ночь на коленях стоял и стер их до кости. Плакал кровавыми слезами. А наутро велел отдать свое поместье церкви и на этой земле выстроить монастырь

во искупление своих грехов. Землю бесплатно отдал, а через несколько дней и помер... И выстроили в бывшем поместье барина мужской монастырь – Свято-Успенский, в честь Святой Богородицы, Успения Богородицы. И случаются в этом монастыре с тех пор разные чудеса. А Богородица считается покровительницей здешних мест.

– Ты сам-то в эти чудеса веришь? – усмехнулся пассажир.

– Верю, барин, – снова перекрестился моряк. – Человек я верующий. В кого еще верить? А Богородица – она тех, кто в море, всегда спасет.

– Ну-ну, – ухмыльнулся странный пассажир и до самого берега больше не проронил ни единого слова.

К берегу подошли удачно – моряк действительно знал все опасные места и смог избежать их даже в темноте. Вскоре лодка уткнулась носом в песок.

– Ну, слово свое ты сдержал, – развязав кошелек, пассажир высыпал на ладонь моряка несколько золотых монет.

– Благодарю, барин, – закланялся тот до земли, – благодарю, благодетель ты мой...

– Прибавил, как и договаривались. А теперь скажи, куда мне идти, чтобы попасть в монастырь?

– Пойдем, покажу, – моряк повел его по берегу и вскоре вывел к небольшой тропке, вьющейся среди камней.

– Вот, барин, сюда иди, – моряк указал рукой, – все вверх и вверх, не сворачивая, и дойдешь до места. Прямо к самим воротам выйдешь. Там и постучишь. Час поздний, но странников онипускают.

– Еще раз благодарю, – мужчина вступил на тропу.

Моряк, развернувшись, быстро заспешил к своей лодке, стремясь быстрее попасть на баркас, чтобы переждать штурм в безопасном месте.

А странный пассажир шлюпки уверенно зашагал вверх. Идти ему было тяжело. Усилившиеся порывы ветра бросали мелкий песок прямо в глаза. Кроме того, тропа поднималась круто, ноги разъезжались в песке, а держаться было не за что – по бокам росли только чахлые кустики.

Однако мужчина уверенноправлялся с трудностями. Стиснув зубы, он стремительно продолжал идти вверх.

Штурм усиливался. Снизу доносился разъяренный рев уже сильных и мощных волн. Кроме того, ветер принес ледяной холод, от которого стыла кожа, как в самые студеные морозы. Когда мужчина поднялся наверх, у него болели и слезились глаза.

Но мужество его было вознаграждено. Перед ним выросли деревянные ворота монастыря, обитые листовым железом. Разглядев у запертой калитки небольшой колокол, мужчина дернул за старенькую, вытертую веревку. Раздался пронзительный звон. Человек стал ждать.

Через время калитка отворилась, и в щель выглянул монах, возраст которого в темноте определить было невозможно.

– Простите, я путник. Сбился с дороги, – заговорил купец. – Вы не могли бы впустить меня переждать непогоду? Я слышал, у вас есть странноприимный дом.

– Как ты добрался сюда? – отозвался монах.

– Морем, на лодке.

– Заходи, сын мой, – монах отворил калитку пошире, и мужчина ступил на вымощенный каменными плитами двор.

Только во дворе монастыря, освещенном тусклыми масляными фонарями, стало видно, что отворивший калитку монах сгорблена и стар. Он провел прибывшего к дощатому двухэтажному дому недалеко от ворот. Завел в комнату на первом этаже с очень скучной обстановкой – кроме простой деревянной кровати, стола, табуретки, там ничего больше не было. На стене

висело огромное распятие, вырезанное из дерева. А единственное окно комнаты выходило на запертую церковь. Заведя гостя в жилище, старик-монах удалился.

Дверь отворилась, оторвав купца от созерцания всего этого. На пороге появился высокий монах средних лет с окладистой черной бородой. На черной рясе ярко выделялось серебряное распятие, блеснувшее в свете керосиновой лампы, стоящей на столе.

– Добро пожаловать, сын мой! – Монах остановился в дверях, сурово глядя на ночного гостя. – С какой целью в наших краях?

– Я купец, сопровождаю товары на корабле. Меня ждут деловые партнеры в Одессе. Но начался шторм, и корабль изменил курс в открытое море. Я попросил высадить меня на берег, чтобы не терять время. Меня привезли на шлюпке. А товары мои через несколько дней придут в порт.

– Откуда ты узнал про нас?

– Моряк рассказал. Советовал переждать непогоду.

– У тебя есть документы?

– Вот, – порывшись в саквояже, мужчина протянул монаху бумаги – паспорт и подорожную.

– Стефан Теутулов, – по слогам прочитал монах, – подданный Австро-Венгерской империи. Постоянное место жительства – Вена.

– Все верно. Но я много путешествую, – сказал мужчина.

– Вижу, бывал уже в наших краях.

– Да, несколько раз.

– Прости за предосторожность, но мы хотим знать, кого впускаем в свои стены. Лихих людей вокруг много, – сурово проговорил монах.

– Я понимаю, – кивнул мужчина.

– Что ж, ночь можешь переждать здесь. Ты наверняка голоден. Кухня уже закрыта, но хлеб и воду тебе принесут.

– Сколько я вам должен, святой отец?

– На свое усмотрение. Мы не берем денег с тех, кому оказываем милость.

– Я богатый человек. Я вам заплачу.

– Воля твоя. Но у меня есть одно условие.

– Я внимательно слушаю.

– Ты католик, так?

– Да, я принадлежу к Римской церкви.

– Это не имеет значения, – покачал головой монах. – Мы радушно принимаем у себя всех нуждающихся. Однако условие такое – ты не должен расхаживать по территории монастыря. До рассвета ты обязан находиться в своей комнате. Выйти сможешь только после утренней молитвы.

– Я с радостью лягу в кровать и засну, и никуда не буду выходить! – горячо воскликнул прибывший. – Я пережил штормовую ночь в открытом море, потом опасный переход на лодке в темноте. Все, что я хочу, только лечь в кровать и закрыть глаза. Вам не о чем беспокоиться.

– Хорошо, – кивнул монах, – мы не любим непрошеных гостей там, где мирянам путь запрещен.

– Вам не о чем беспокоиться, – повторил мужчина с убежденностью.

– В твоей вере завтра праздник Всех Святых, – сказал монах, и глаза его недобро блеснули, – эту ночь лучше провести в четырех стенах.

– Я слышал о чем-то подобном, но не интересовался подробно. Я коммерсант, а не теолог. И я не любопытен.

– Спи с миром, сын мой.

Развернувшись, монах ушел. Мужчина подошел к окну, из которого отчетливо просматривался двор перед церковью, думая увидеть фигуру выходящего от него монаха. Однако он не появился. Значит, монах продолжал находиться здесь, в здании.

Дверь снова отворилась. Молодой монашек поставил на стол кувшин с водой и глиняную миску с большим куском хлеба.

– Я хотел спросить, когда утренняя молитва, – обратился к нему мужчина.

Монашек показал жестом, что он немой, и быстро вышел. Чувствуя себя не в своей тарелке, купец сел на кровать.

Глава 2

Ночь с 31 октября на 1 ноября 1827 года, Одесса, Свято-Успенский патриарший мужской монастырь.

За стеной послышались шорохи, еле различимое бормотание, которое, впрочем, быстро стихло. Скрипнула деревянная кровать.

Отпив из кувшина тепловатой, пахнущей болотной тиной воды, мужчина вновь подошел к окну. Вышла полная луна. Яркий серебристый диск выплыл из-за шпиля церкви, заливая пространство ослепительным, блестящим светом. Он был так необычен, что казалось – плиты двора покрыты перламутром. И эти сияющие частицы отражают лунный свет так, что рябило в глазах.

Благодатная тишина и покой заполняли все пространство, словно расширившееся в этом таинственном, мерцающем свете. Купцу вдруг подумалось, что существуют на свете места, одно прикосновение к которым способно очистить душу.

Он был странником. Вел бурную, авантюрную, не всегда правильную жизнь. Его жизненный путь был похож на желтый осенний листок, подхваченный ураганным ветром. В его жизни, на переплетении причудливых нитей его судьбы было много всего… Не было только этого удивительного чувства умиротворения и покоя, который вдруг снизошел на его душу.

Что повинно было в том – спасение от бурного моря, холод этой ночи или атмосфера монастыря, выстроенного над бушующей бездной свирепых, разрушающих все на пути своем волн? Он не знал. И не хотел об этом думать.

Просто подошел к столу и потушил фитиль лампы, чтобы не спугнуть это драгоценное блаженство покоя, каким-то чудом сошедшее на него. Затем лег на кровать прямо в одежде и закрыл глаза.

Сколько времени прошло, купец не знал. Сладкая дрема охватила его, закружила в туманном облаке безразличия ко всему на земле. Сон уже подкрадывался даже к тем мыслям, которые по обыкновению появляются только с наступлением ночи. Блаженное чувство расслабленности охватывало все его тело, вынуждая прекратить сопротивление этому забытью.

Вытянувшись на спине, мужчина наслаждался этим расслабленным состоянием. Дыхание его стало тихим и ровным, почти как у спящего человека. Как вдруг...

Тягучий, пронзительный звук колокола прорезал ночь, вырвал его из сонного забытья. Звук был таким резким, что купец испытал нечто вроде физической боли.

Колокол ночью? Это было так неожиданно, что отключившееся мгновение назад сознание отреагировало немедленно. Сон тут же улетел прочь, человек открыл глаза. И вовремя. Он более отчетливо, с осознанием расслышал второй удар колокола. И что это был за звук...

Колокол зазвучал сначала глухо. Затем звук разлился в воздухе, протянулся по всему небу, приобретая серебристые ноты. Протяженность этого звучания поражала – мужчина никогда не слышал такого звучания колоколов.

Звук тянулся и тянулся в воздухе, затрагивая какие-то настолько странные струны в душе, что по всему телу купца пробежали ледяные мураски.

Подчиняясь этому звуку, он сел на кровати. Никогда еще не доводилось ему слышать подобного. Он побывал во многих странах, был в разных церквях и монастырях, но никогда еще не слышал такого звучания колокола.

Сознание включилось полностью, и он вдруг понял, что это очень странный колокол. Более того – особенную странность придавало ему то, что он звучал ночью. Разве бывают в колокола по ночам? Было в этом звучании что-то столь зловещее и мистическое, что купец содрогнулся. Чувство умиротворения и покоя тут же исчезло, уступив место настороженности и тревоге. Он хотел было встать с кровати, но вдруг на него упала тяжелая тень. Только теперь мужчина осознал, что он здесь не один. Тень человека двигалась по кровати, приближаясь.

Осенив себя крестным знамением, купец потянулся рукой к саквояжу, который оставил возле кровати, на полу, намереваясь достать пистолет.

– Кто здесь? – преодолевая страх, громко крикнул он в темноту. Тень увеличилась в размерах. На лбу мужчины выступил ледяной пот.

Колокол ударили в третий раз. Сейчас звук был резким, коротким, обрывистым, как приказ. Такими выкриками отдают команды военные. Теперь становилось понятно более отчетливо – это совсем не обычный колокол...

Но если не обычный, то что это? Человек, гостивший в монастыре, несмотря на всю свою авантюрность и сложность характера, был типичным представителем своей эпохи, полной суеверий и страшных рассказов невежественных, темных людей.

Страшные призраки, злые духи, кровавые убийства, леденящие кровь предания об упрыжах и чудовищах постоянно фигурировали в людских рассказах, особенно в местах, находившихся вдалеке от больших городов. Все это жило и переливалось яркими красками в народной памяти, наводя ужас не только на невежественных крестьян, но и на людей по образованней.

Все эти жуткие предания, которые слышал не раз, выплыли из памяти купца, охватив его душу таким первобытным ужасом, что у него буквально волосы зашевелились на голове...

– Изыди, Сатана!.. – вскинув дрожащие руки в темноту, он снова попытался осенить себя крестом, но руки повиновались плохо, слишком сильна была дрожь.

Фигура двигалась, словно в замедленном танце, вот она почти вплотную приблизилась к кровати... И тут только купец разглядел, что это не реальный, живой человек, а темная тень! У него вырвался вздох облегчения...

Вскочив с кровати, он бросился к окну. Тот, кто отбрасывал тень, стоял под самым окном, почти вплотную прикасаясь к деревянной раме.

Это был монах в длинной рясе с капюшоном, низко надвинутым на лицо. Странно было то, что на нем не было креста, даже простого деревянного крестика на веревке. Руки монаха были скрещены на груди тоже странным образом. Огромный диск серебряной, полной луны стоял прямо над ним, поэтому отбрасывалась такая отчетливая, длинная тень.

Монах пошевелил руками, и купец увидел, что они скрещены таким странным образом потому, что он прижимает к груди книгу – большую книгу в простом переплете из темно-коричневой кожи, без каких-либо украшений и золоченых обрезов. Только на мгновение книга показалась на свет – в тот самый момент, когда монах пошевелил рукой, а затем быстро исчезла под полами черной ткани.

– Кто вы? – не выдержав, крикнул настоялец монастыря в темноту. – Что вам нужно от меня?

Монах не ответил. Только снова пошевелил руками, и перед глазами купца во второй раз мелькнули очертания книги.

Внезапно монах поднял голову таким резким движением, что капюшон откинулся ему на спину. Теперь можно было отчетливо разглядеть его лицо. В ночи как будто блеснула белая кожа. Он стоял не шевелясь и держал голову прямо. И тогда купец закричал.

Это был резкий, обрывистый, дикий крик, который неожиданно издают люди, не привыкшие, в общем-то, впадать в панику. Страшный по своей природе, он шел из самой глубины, как происходит тогда, когда уже не думают о приличиях или о том, что нужно сохранить маску.

У монаха, стоящего перед окном, не было глаз. Вместо них на лице его зияли пугающие пустые глазницы, напоминающие черные впадины. И это придавало его лицу настолько пугающее выражение, что купец просто не смог себя сдержать.

Отпрянув от окна, он несколько минут восстанавливал дыхание, сбитое вспышкой этого вселенского ужаса, по сравнению с которым все меркло, все теряло свой смысл...

Монах услышал его крик. Медленно опустил голову вниз, и черная ткань капюшона спала волнами на свое привычное место, скрывая чудовищное лицо. В этом движении было что-то вроде немого укора. Затем он развернулся и быстро пошел прочь.

Он шел через двор монастыря по направлению к церкви с такой скоростью, что сразу становилось понятно: монах с изуродованным лицом – не страшный призрак, не плод воображения, не чудовищная грэза из страшного сна, не мифическое порождение разума, ввергнутого в отчаянную бездну страха и забытья. Он был реален, и он шел к закрытой церкви, уверенно двигаясь вперед.

Не отрываясь, настоялец следил за монахом из комнаты через окно. О сне теперь и речи быть не могло. Странное событие этой ночи вдруг вызвало такой его интерес, что сон просто улетучился, несмотря на усталость. Так всегда бывало с ним, когда какое-то событие вызывало жгучий интерес, заставляло развивать кипучую деятельность и проявлять инстинкт охотника. Появление страшного монаха вдруг оказалось настолько важным, что купец больше не мог заниматься ничем другим.

Колокол больше не звонил. Тишина вокруг была настолько пугающей, что воздух вокруг казался плотным покрывалом, накрывшим окружающий мир. Постоялец сквозь темноту разглядел, что монах подошел к закрытым дверям церкви. Опустив одну руку в карман рясы, он достал что-то похожее на ключ и открыл тяжелую дверь, обитую кованым железом. Вошел внутрь и плотно закрыл ее за собой.

Не отрывая глаз, купец смотрел на церковь с таким напряжением, словно от того, что сейчас будет происходить, зависела его жизнь.

Через какое-то время в двух больших окнах церкви появились блуждающие огни. Очевидно, монах зажег одну свечу и теперь зажигал все остальные.

Ночью, в пустой церкви – зачем? Не выдержав, поддев деревянный крюк, настоялец распахнул раму окна, а затем быстро выпрыгнул в пустой двор.

Ледяной холод студеной ночи тут же вонзился в его кожу тысячей игл. Но он этого не заметил.

Снаружи бушевала непогода. Сильные порывы штормового ветра гнали по двору песок, он застревал между каменными плитами. Моряк с рыбачьего баркаса был прав – ночью начался

шторм. До купца доносился грохот бушующего моря. Он содрогнулся, подумав не к месту о том, каково приходится сейчас тем, кого стихия застала в этом штормовом море. Но эта страшная мысль тут же уступила место другой: за кого изуродованный, слепой монах будет молиться в запертой церкви ночью? Что вообще он собирается делать там?

Низко пригнувшись, прижимаясь к постройкам, купец принялся быстро продвигаться через двор – ему не терпелось узнать, что происходит в церкви. Обещание, данное встретившему его монаху – не выходить из комнаты, – как-то совершенно выветрилось из его памяти. Сейчас он думал только о безглазом.

Вот и стены церкви. Подтянувшись на руках, купец попытался заглянуть в украшенное резьбой окно, но не тут-то было: деревянные детали мешали рассмотреть, что происходит внутри.

Тогда он аккуратно, осторожно двинулася вдоль церкви, стараясь держаться поближе к огромным окнам. И наконец ему повезло: одно из них оказалось приоткрытым. Больше того – на нем внизу было что-то наподобие форточки, которая была достаточно широка, чтобы в нее пролез человек. Очевидно, на ночь ее оставляли для вентиляции.

Недолго думая, ведомый азартом охотника, купец буквально вцепился в стену, обломал два ногтя, подтянувшись на подоконнике на сильных руках, оперся коленями о деревянную раму и, поднатужившись, спрыгнул на пол. Он старался производить как можно меньше шума, однако понимал, что совсем уж бесшумным не был. Поэтому, попав внутрь, словно пытаясь вжаться в доски, купец распластался на полу, замерев и стараясь не дышать, в ужасе ожидая момента, когда к нему подойдут. Однако никто не подошел.

Так прошло минут пять. Тишину церкви нарушило лишь какое-то глухое бормотание. А на доски пола падал отблеск горящих свечей.

Осторожно поднявшись и осмотревшись, купец двинулася вперед. Прежде всего он увидел ярко освещенный алтарь. Возле него горело множество свечей – было светло как днем.

На полу перед алтарем, словно повторяя позу распятого на кресте, распластался слепой монах. На ступеньках алтаря лежала небольшая книга – в переплете из коричневой кожи, никакой надписи на обложке… И было непонятно, либо монах молится этой книге, либо она просто занимает какое-то очень важное место в его молитвах.

Стараясь двигаться бесшумно, купец стал прокрадываться поближе к монаху, уникая света пламени от свечей. Наконец он придвинулася так близко, что в сплошном бормотании монаха смог различить некоторые слова.

– Господь Вседержитель… души загубленных… Кровавые души… вознесутся над пропастью… кровь… на крестах кровь… – Дальше бормотание становилось абсолютно бессвязным, затем звучала непонятная речь – то ли латынь, то ли церковнославянский язык. Потом снова понятное вперемежку с непонятным: сила… проклятие над тем, что… (какое-то бормотание)… прости, Господи… Прости за сомнения… кровавые стены… прости, Господи… Души загубленных отовсюду… встанут как воинство… загубить души… ангел-губитель… прости, Господи (бессвязное бормотание)… Вседержитель… столько погубить душ…

Страшный грохот, казалось, разорвал все основание церкви, ударив с такой силой, что купец, и так находившийся в страшном напряжении, едва не упал… Это был грохот от тяжелой входной двери, которую распахнули с большой силой.

Придя в себя от жуткого испуга, постоялец заметался, пытаясь спрятаться, и вдруг заметил скамью в самом углу. Быстро упав на пол, он пополз к месту спасения, сжался всем телом в узком пространстве, и вовремя.

В церковь быстро, стремительно вошли три высоких, коренастых монаха. Что же касалось слепого, молящегося перед алтарем, то он даже не отреагировал на грохот открывшейся двери.

Монахи быстро подошли к распростертыму на полу собрату. Двое подняли его за руки, и так, крепко держа, поволокли к выходу. Не обращая на них никакого внимания, монах продолжал бормотать свои молитвы, только было видно, как тело его ослабло в руках стражей.

Третий монах поднял с пола книгу. Тут только постоялец разглядел, что на вытянутых руках монаха были кожаные перчатки.

А дальше произошло невообразимое. Монах подошел к одной из икон, взял несколько свечей и... подпалил страницы книги. Затем резко бросил ее на пол.

Книга вспыхнула, как факел. Несколько минут пламя было огромным. Казалось, в этом адском костре может сгореть абсолютно все. Наконец огонь стал стихать, гаснуть. Монах забил его ногами, чтобы погас совсем, и отошел в сторону.

И тут купец едва сдержал крик – в куче черного пепла лежала... неповрежденная книга. Она была абсолютно не тронута огнем, ее переплет даже не был обуглен. Подняв книгу с пола, монах быстро загасил все свечи и пошел к выходу. Вскоре послышался скрежет ключа, запирающего замок входной двери.

Когда постоялец вылез из-под лавки, все его тело сотрясала нервная дрожь. Он чувствовал себя совершенно больным от страха. Быстро найдя открытое окно, купец выпрыгнул в ночь.

Свет луны погас. Теперь во дворе была сплошная темень. К счастью, постоялец отлично запомнил дорогу и смог хорошо сориентироваться в темноте.

Почти бегом он преодолел двор, влез в окно своей комнаты, забрался в кровать и с головой накрылся стареньkim одеялом. Даже несмотря на то что оно было достаточно теплым, все его тело содрогалось от нервной дрожи.

Когда купец открыл глаза и вылез из-под одеяла, в комнату упали первые лучи рассвета. Где-то поблизости пропели петухи. День обещал быть солнечным и ясным.

Возле кровати стоял монах, с которым постоялец разговаривал накануне ночью, и с укором смотрел на него.

– Вы нарушили наш уговор, – произнес он.

– Простите меня, святой отец... Это произошло случайно, – монах застал купца врасплох, и у того не было сил что-либо отрицать.

– События, свидетелем которых вы стали этой ночью... Надеюсь, вы не будете говорить об этом.

– Но я так и не понял, что видел! – искренне воскликнул купец.

Старик помолчал, потом заговорил:

– Слепой монах – это преступник, переданный нам светскими властями для исправления и покаяния. Когда-то давно за свои грехи он был лишен монашеского сана. Грехи тяготят его, и он норовит молиться по ночам. Наши братья следят за ним. И возвращают из пустой церкви ночью. Это наше бремя.

– Какие же грехи он совершил?

– Смерть. На его совести смерть людей. Он убивец.

– А книга? Книга, которая не горит... Что это?

– Какая книга? Ты ошибся, сын мой. Никакой книги не было.

– Но я видел... Один монах попытался ее сжечь. Она не сгорела.

– Всего лишь ночной кошмар. Вам лучше покинуть нашу обитель, и как можно скорее. – По тону старика-монаха было ясно, что спорить с ним бесполезно.

В трактире было пусто. Заспанная хозяйка протирала столы чистой тряпичкой. Во всем зале был только один посетитель – коренастый крепыш с бегающими глазами. Он сидел за дальним столом возле стены, попивая из глиняной кружки местное вино.

Дверь распахнулась, и вошел купец, ночевавший в монастыре.

– Ну наконец-то! – при виде его крепыш подскочил. – Я уж думал, что ты не придешь. Ребята на месте, все готовы.

– Планы изменились! – Купец, сев за столик, резко перебил его. – Перенесем все на конец недели. Ничего не произойдет. Тут другое. Я был в монастыре и кое-что видел. Это намного интереснее.

– Монастырь… – скривился крепыш. – С монахами связываться опасно. Ребята не пойдут.

– Ты не понимаешь, – купец покачал головой, – оно мое по праву. Вот что: возвращайся ко мне сюда через час с Филином. Я должен подумать.

При трактире находилось нечто вроде гостиницы – пара меблированных комнат, которые сдавались тем, кто хорошо знал эти края.

Ровно через час двое – крепыш и Филин – вошли в трактир. В этот раз посетителей в зале было намного больше. Они играли в карты, пили вино.

Подхватив на лету серебряную монету, хозяйка поклонилась:

– У себя он. Вас ждет. Никуда не уходил, как поднялся наверх.

Зайдя на второй этаж, крепыш громко постучал в дверь:

– Стефан, открай! Это мы! Я Филина привел.

– Да открыто здесь… – Филин толкнул дверь.

Они вошли в комнату. В глаза им сразу бросилась перевернутая постель. Окно было распахнуто настежь. Огня в камине не было. На подоконнике виднелись… свежие пятна крови.

– Матерь Божья! – охнул Филин, отшатнувшись к двери.

– Так, валим отсюда, – мрачно насупился крепыш, – сейчас фараоны нагрянут… Эх, я ему говорил…

На совещании следователь по особо важным делам докладывал начальнику полицейского участка:

– Стефан Теутулов, или Стефан Теутул, исчез из запертого номера трактира. По словам хозяйки, к нему никто не входил. Обнаружены следы борьбы и на подоконнике – следы свежей крови…

– Это тот самый Стефан Ворон, бандит? – перебил его начальник участка.

– Он самый, – кивнул следователь. – Прибыл, чтобы подготовить налет на ювелирный магазин купца Розенблойма. Подельники его задержаны и допрошены.

– Нечего тут расследовать! – Начальник махнул рукой. – Свои его и порешили. Не поделили чего-то. У них часто так бывает.

– Но его не убили. Он исчез. Трупа нет. Пропал, – попытался вмешаться следователь.

– Закопали где-то или в море кинули, – начальство было непреклонным. – Закрывайте это дело. Собаке – собачья смерть…

Глава 3

**Действительно
из-за угла появилась
черная машина.
Она быстро проехала
по улице и остановилась,
ярко сверкнув фарами.**

Одесса, 1939 год

– Крестовская! – злобный оклик, раздавшийся за спиной, буквально пригвоздил Зину к полу. Голос она узнала моментально, просто было странно услышать его в конце дня. Аудитории давно опустели – даже у вечерников закончились лекции. И на кафедре оставалось лишь несколько человек. Поэтому было странно, что библиотекарша, ее заклятый враг, очутилась в стенах института, тем более здесь! Зине не оставалось ничего другого, кроме как смириться со своей судьбой.

И куда только подевалась та милая, доброжелательная старушка, заведующая библиотекой, которая помнила Зину еще с ее студенческих лет? Удивительно тонкий, интеллигентный человек – она обладала редкой способностью понимать людей с полуслова. Никакой грубоści, ни одного неуместного замечания! Наоборот – только доброжелательность и стремление помочь. А как радовалась она, когда люди приходили к книгам! Она готова была оказать любую помощь, только чтобы человек оставил свое сердце среди книжных страниц...

– Книги – это самый драгоценный дар, полученный человечеством. Жаль только, что люди не умеют его ценить. Когда среди книжных страниц остается сердце, душа словно поднимается выше, ступая по лестнице, ведущей только вверх, к гармонии с собой и с миром. Злые люди не читают книг, – часто говорила она, и Зина на всю жизнь запомнила ее слова.

Во всяком случае для Крестовской это было правдой. Зина до сих пор испытывала волнительный трепет, когда открывала новую книгу. Да и к самим книгам она относилась с особым благоговением – никогда не смогла бы черкать, рисовать в книге, обрывать обложку, загинать страницы...

Выросшая среди огромного количества книг, она привыкла относиться к ним как к священному предмету. И уже сама для себя вывела истину: как человек относится к книгам, так он относится и к людям.

Если человек рвет, выбрасывает книги – он порвет и отношения, и душу. А если не открывает книг, относится к ним как к бесполезному, ненужному и даже вредному, постороннему предмету – так он относится и к людям, значит, они для него не существуют, и с легким

сердцем он пройдет мимо душевных страданий, просьб о помощи, никогда не проявляя ни доброты, ни любви. В его мире никого, кроме него, нет. И в узости своего понимания такой человек не способен понять, что люди – это целая вселенная.

Когда Крестовская перешла работать в институт, старая библиотекарша тоже была еще там. С какой радостью Зина заходила в библиотеку! Сколько полезных и хороших книг перечитала она в свои свободные часы!

Зина прекрасно помнила, какую неоценимую помощь библиотекарша оказала ей во время расследования дела, связанного с оборотнем. Если бы книга о редких психических заболеваниях, которую та нашла для нее, она ни за что не добилась бы успеха в своем расследовании!

Зина была счастлива, что в библиотеке у нее появился такой замечательный друг, и старалась заходить за книгами в каждую свободную минуту.

Но потом что-то произошло. И благородная старая дама исчезла из библиотеки. Зина попыталась выяснить, что с ней. Ей ответили, что она ушла на пенсию по состоянию здоровья. Это могло быть правдой – библиотекарша действительно была весьма преклонных лет.

Однако Зина, привыкшая ничему и никому не доверять, раздобыла в отделе кадров адрес и решилась зайти к библиотекарше домой. Дверь ей открыла довольно приятная женщина, которая объяснила, что семья, проживавшая здесь ранее, переехала на другую квартиру буквально два месяца назад. А нового адреса она не знает.

В отделе кадров института Зине тоже ничего не сказали. След оказался потерян, и она очень сокрушалась по этому поводу.

А на место пожилой интеллигентной дамы пришла другая библиотекарша… И с ее приходом для Зины закончилась целая эпоха.

Это была вульгарная рыжеволосая бабища с деревенским говором и манерами, как у доярки. Она совсем не любила книги, и это было видно сразу.

В первый же день, когда Зина пришла в библиотеку, она застала просто шокирующую картину: эта бабища вырывала из какой-то книги страницы и раскладывала на них… куски селедки, которую тут же чистила! Крестовскую едва не стошило. Такое отношение к книгам было для нее верхом дикости. Но, к сожалению, кроме Зины этого никто не понимал.

И с первых же дней новая библиотекарша возненавидела ее, разглядев в ней полную себе противоположность. Она сразу же отказалась выдать Зине нужную книгу. А про то, чтобы брать интересующие ее издания и дальше, теперь и речи быть не могло.

Зина просто не понимала, почему эта вульгарная тетка смогла устроиться на такую интеллигентную должность, как должность библиотекаря, а не пошла торговаться на рынке, следуя своему прямому жизненному предназначению.

Но, очевидно, у новой заведующей библиотекой были свои, какие-то серьезные мотивы для того, чтобы устроиться именно на это место. И совсем неожиданно для Зины началась неприкрытая война.

Впрочем, Крестовскую не любили и другие сотрудники, но они старались как-то сдерживать свои эмоции. Библиотекарша же начала действовать открыто, не стесняясь ни в выражениях, ни в поступках.

И вот теперь это страшное, неприятное существо возникло в коридоре возле кафедры и, как таран, двинулось на Зину, потрясая кулаками.

– Крестовская! Остановитесь немедленно, я вам говорю! – разлилось эхом.

Инстинктивно Зина еще сделала несколько шагов вперед, словно стараясь избежать этой напасти, но все было бессмысленно.

– Что за манера убегать, когда я к вам обращаюсь!

– Я не рассыпалась, – ехидно улыбнулась Зина, обворачиваясь, чтобы с честью принять бой. И действительно – под ее спокойной усмешкой библиотекарша принялась багроветь.

– Мне надо немедленно с вами поговорить!

– Я спешу. Давайте завтра, – Зина уже подошла к дверям кафедры, – я думала, ваш рабочий день давно закончен. Впрочем, так же, как и мой.

С этими словами она открыла дверь и вошла внутрь. На кафедре практически уже никого не было. Какой-то сотрудник, растерявшийся, тут же подхватил свой портфель и предпочел ретироваться. В углу замешкалась новенькая девушка, преподаватель филологии, которую взяли совсем недавно, и она еще не успела со многими сойтись. Зина, к примеру, видела ее всего пару раз, и ничего не знала о ней. Тем более, что филология в медицинском вузе – специальность явно не главная, и у новой преподавательницы было намного меньше часов, чем у всех остальных.

– Крестовская! Вы брали методички неделю назад! И вы... – каким-то неестественным голосом заговорила библиотекарша, было такое впечатление, словно Зина пошла на нее с кулаками.

– Да. И что? – Крестовская изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

– Одну вы не вернули вообще, а вторую изуродовали! Вернули, но в каком виде! Вы за это ответите! Вы украли методичку из библиотеки! – продолжала тетка.

– Выбирайте выражения! – не выдержала Зина, впервые повышая тон. – Что вы себе позволяете?! Вы с преподавателем говорите!

– Вижу я, какой вы преподаватель! Одну украли, а одну испортили! А мне отчет сдавать! – не унималась библиотекарша.

– Что я могла украдь? Методичку про гигиену советского спорта? Вы серьезно? – не сдержавшись, усмехнулась Зина. – Я врач, у меня медицинское образование! Да я про гигиену и спорт знаю больше, чем написано во всех ваших методичках!

– Тогда зачем брали? – уперлась руками в бока тетка.

– Для лабораторной работы! По программе студентов лабораторная работа была именно по этому методическому пособию. И, кстати, я вам ее вернула, так же, как и другую методичку! В целости и сохранности. На следующий день после того, как взяла.

– Ничего вы не возвращали! – завопила библиотекарша.

– Вы просто сумасшедшая старая ведьма! – не выдержала Зина. – И в библиотеке у вас бардак полный! Сам черт ногу сломит! Загубили работу всей библиотеки! Книги рвete, засранка старая! Сама ее потеряла и испортила! Селедку, наверное, почистила!

– Да как ты смеешь, пигалица вшивая! Да я к ректору пойду! В профком заявление напишу! – Библиотекарша, не привыкшая к тому, что Зина может дать ей отпор, кричала во весь голос. – Да я донос на тебя напишу куда следует!

– Только попробуй! – вдруг в общем-то не очень и громко прозвучал какой-то металлический голос. К ним подошла девушка – новая преподавательница, которая до того момента тихо перебирала папки на столе. – У меня брат в НКВД работает, между прочим. И если ты попробуешь тронуть порядочного человека, я позвоню ему и скажу, что ты воруешь книги и продаешь их! А сама ты немецкая шпионка. Хочешь?

– Что?... Ах... Да я... ты... – Библиотекарша схватилась за грудь, и краска моментально склынула с ее лица.

– А что? – усмехнулась преподавательница. – Сама сперла методичку про советский спорт, а теперь пытаешься на кого-то спихнуть! Чем не шпионка? Все знают, как советский спорт важен для иностранных разведок!

– Да вы... ты... ох! – Тетка вылетела из дверей кафедры с такой скоростью, что и Зина, и девушка рассмеялись одновременно.

– Ох, как вы ее! – успокоившись, уже серьезно произнесла Крестовская. – Теперь у нее будет сердечный приступ!

– Рада была помочь! Надеюсь, теперь она к вам долго не полезет. А то противно было ее слушать!

– Спасибо вам! – искренне проговорила Зина, которую всегда восхищала чужая находчивость.

– Дина Мартынова, – девушка жестко, по-мужски протянула руку, и Крестовская пожала ее сухую ладошку. – Рада с вами познакомиться. Я много слышала о вас.

– Благодарю. Мне тоже приятно познакомиться. Неужели слышали? – усмехнулась Зина.

– Ну конечно! Вы ведь живая легенда. Женщина, которая работала в морге. Я всегда немного завидовала вам.

– Не стоит, – Крестовская покачала головой, – на самом деле в морге работать ужасно.

Девушка искренне улыбнулась в ответ, и Зина вдруг поняла, что у нее зарождается нечто вроде симпатии. А она редко симпатизировала людям.

Через пару минут они уже болтали, как подруги. Дина рассказала, что приехала из Киева. И ее родственник, родной дядя, помог устроиться на работу в институт.

– А брат в НКВД – это правда? – с опаской поинтересовалась Зина.

– Конечно нет! – расхохоталась ее новая подруга. – Это я так, сымпровизировала на ходу. Мне просто стало противно от того, как она на вас нападает, и я подумала, что должно сработать.

– Сработало, еще как! – с восхищением произнесла Зина.

– А знаешь, мне так одиноко в чужом городе, – призналась Дина после того, как они перешли на «ты», – у меня ведь здесь никого нет. Все мои друзья остались в Киеве. Я буду очень рада, если у меня появится такая подруга, как ты.

– И у меня не так много подруг, – с горечью сказала Зина, вспомнив про Машу Игнатенко. – Иногда я чувствую себя такой одинокой. Но стараюсь не думать об этом.

– А знаешь, что у меня есть? – со смехом произнесла новая подруга. – Бутылка отличного вина алиготе! И живу я здесь недалеко, снимаю комнату на Садовой. Давай пойдем ко мне?

– Да ты что, неудобно как-то… – смущилась Зина, не так легко сходящаяся с новыми людьми.

– Ничего подобного! Живу я одна, да и соседям по коммуналке нет никакого дела. Пойдем. Если, конечно, у тебя никаких планов нет. Ну или если кто-то тебя ждет?

Зина вдруг подумала о том, что ждет ее этим вечером. Пустая комната в огромной коммунальной квартире. Холодный ужин. Горячий чай. Слепое окно, за которым только развалины собора как символические развалины всей ее несложившейся жизни. Стройка, которая никогда не будет закончена…

Действительно – кто ее ждет? Было невыносимо оставаться одной каждым вечером. Зина никому не признавалась в этом, даже себе, но правду скрыть было сложно, особенно по ночам. Человеку нужен человек.

А человека рядом с Зиной не было. Рядом с ней вообще было очень мало людей. И с каждым годом становилось все меньше и меньше.

– Пойдем, – решительно кивнула она.

Дина Мартынова жила в огромном четырехэтажном доме, на углу Садовой и бывшей Дворянской, ныне – Петра Великого, испещренном целой сетью бесконечных коммунальных квартир.

Ее комната была на третьем этаже. Окна выходили во двор. И пока они пребирались, Зина с изумлением думала, как длинный коридор этой коммуналки похож на коридор ее собственной квартиры. Как, в общем, все эти коммуналки похожи одна на другую – словно кошмарный сон.

Впрочем, вино оказалось отличным, компания – тоже, и после второго стакана Зина стала слушать печальную историю любви. Ее новая подруга сбежала в Одессу от любимого мужа,

который не просто ей изменил, а ушел жить к ее лучшей подруге. И, не в силах оставаться в этом, пусть даже большом, городе со своей болью, Дина приняла предложение дяди, который давно предлагал ей устроиться в Одессе.

— Так я и оказалась здесь, — с горечью вздыхала она, а Зина думала о том, что понимает ее лучше, чем та думает.

Крестовская вышла на улицу, когда было уже около 10 вечера. До Соборной площади было рукой подать. Но идти домой не хотелось.

Зина стала спускаться вниз по Дерибасовской, выпитое вино шумело в ее голове. Ноги сами понесли ее вниз, к Ришельевской. Она и сама не поняла, как оказалась напротив дома Баргов — того самого, в котором пережила самые счастливые минуты своей жизни. И в нем же — самое горькое и позорное из разочарований.

Семейство Барг… Вот уже долгое время Зина ничего не слышала о них. После исчезновения Лоры, о которой она узнала страшную правду, Крестовская вообще старалась не думать об этой семье. Ей было противно и жутко. Мысли о Викторе были в ее душе разверстой, вечно кровоточащей раной. И единственным способом выжить было не прикасаться к этой ране, ничего не вспоминать о ней.

И Зина изо всех сил старалась выжить. Она запретила себе думать о Викторе. Запретила вспоминать его имя. Много месяцев не была на Ришельевской. Однако оказалось, что этого было слишком мало для того, чтобы забыть.

Чаще, чем ей бы хотелось, к ней приходили предательские сны. И она просыпалась от них, задыхаясь от непереносимого разочарования, погребенная под лавиной боли. В этих снах Виктор Барг был рядом с ней. И Зина умирала от счастья. А потом наступало утро.

Утро было безжалостным приговором — открывать глаза в мир, в котором потерянной оказывалась ее единственная любовь. Да и было ли любовью на самом деле это марево?

Но анализировать прошлое и думать о нем было нельзя. Зина запретила себе это. И, открывая глаза, она плелась жить, похожая на свою собственную тень, обреченную обрасти временем как живой плотью, в последней надежде, что этот кокон из времени защитит ее от страданий. И еще ничего не зная о том, что времени не существует. Есть только ступени в памяти, из которых состоит лестница под названием жизнь.

Слушая рассказ своей новой подруги, Крестовская еще не могла говорить о своей любви. Она с трудом раскрывалась людям. Но ничто не могло удержать ее воспоминания, которые вдруг хлынули сплошным потоком, словно для них распахнулась дверь.

Так, наверное, и было на самом деле. Рассказ Дины натолкнул ее на мысли о Викторе. А ноги сами принесли к дому, в котором могли о нем знать.

Подниматься в квартиру к Баргам Зина не собиралась. Она помнила тот ужас, что испытала в прошлый раз. Крестовская просто стояла на противоположной стороне улицы, неотрывно глядя на темные окна квартиры Баргов, в которых почему-то не горел свет.

Впрочем, это могло быть и нормально. Барги были глубокими стариками, а старики рано ложатся спать. И конечно, они ничего не сказали бы ей о Викторе. Даже если знают правду. Ту самую правду, которую скрыла Лора Барг. Зина была твердо уверена, что она лгала.

Думая обо всем этом, Крестовская вдруг оторвалась от своих воспоминаний, неожиданно обратив внимание на черную тень, выросшую под фонарем. Чуть поодаль от нее в подворотне стоял мужчина. И так же, как она, неотрывно смотрел на окна квартиры Баргов, держа руки в карманах кожаного пальто.

Кожаное пальто, фуражка… Зину прошиб холодный пот. Это был соглядатай из НКВД — она почуяла его нюхом. Только вот за кем он следил — за квартирой Баргов или за кем-то другим?

Крестовская осторожно двинулась с центра тротуара в сторону дома и, дойдя до него, заняла узкую нишу – выемку в стене дома напротив. Мужчина даже не повернул к ней головы, продолжая стоять на своем месте – в подворотне.

Может, Барги были вообще ни при чем? Квартир в доме много. Следить этот человек мог за кем угодно! Однако, как все влюбленные женщины, Зина страдала той самой разновидностью паранойи, которая не поддается излечению: всё происходящее в сознании такой женщины неразрывно связано с любимым предметом. Поэтому Крестовская была твердо уверена, что страшный соглядатай наблюдает именно за квартирой Баргов.

Зина принялась украдкой разглядывать мужчину. Он не изменял положения и ни к чему не проявлял интереса. Очевидно, стоял он достаточно долго, потому что время от времени переступал с ноги на ногу.

Крестовская не знала, сколько времени она такостояла. Вдруг до нее донесся шум автомобиля. И действительно из-за угла появилась черная машина. Она быстро проехала по улице и остановилась, ярко сверкнув фарами, как раз рядом с домом, где жили Барги. Двигатель заглушили.

Задняя дверца автомобиля открылась. На мостовую ступил человек, при виде которого Зина едва не потеряла сознание. Это был Виктор Барг.

Он коротко постригся. Похудел, осунулся. Но это был Виктор Барг! На нем было черное модное, явно очень дорогое пальто и блестящие ботинки. Он нагнулся к приоткрытым оконкам шофера и что-то ему сказал. Этот человек Зине был не знаком. Затем Виктор пожал просунутую в оконко руку шоферу и вошел в ворота дома. Взревел двигатель, автомобиль быстро проехал улицу и свернул за ближайший угол.

В окнах квартиры Баргов вспыхнул яркий свет. Стоящий под фонарем человек в кожаном плаще достал записную книжку, что-то быстро записал в ней и ушел. Теперь было понятно, за кем он следил – за Виктором Баргом, вернувшемся в город и поселившемся в квартире своих родственников на Ришельевской.

Глава 4

**То и дело
вспыхивали
пожары, превращая
заброшенные дома
в пылающие
спичечные коробки.**

– Ну и дурик ты, Баклан! Дубина стоеросовая… – Чернявый мальчишка лет шестнадцати, жилистый, прыткий, грохнул в осыпающуюся стенку кулаком. Ударом из нее выбило горсть старой штукатурки, которая серой пылью опустилась подросткам на ноги.

– Да чего ты бычишься? – надулся второй мальчишка, полноватый крепыш такого же возраста, чьи взъерошенные вихри морковного цвета вызывали в памяти трогательные воспоминания о солнечном, ярком лете.

– Тому шо ты, Баклан, оглобля, об лед ударенная! Это ж надо за такое дело – цельный дом забыть! За такое Шкет и фингал за глаз тебе поставит, помяни мое слово! Вот завтра как до Шкета придешь…

– Да пошел твой Шкет! Швицер тот задрипанный до меня не указ, – насупился крепыш, принимая бравый до невозможности вид, однако глаза его с тревогой забегали по сторонам, выдавая, как он струхнул.

– Ладно, – вздохнул чернявый, – ты вспоминай лучше. Возьми мозги до кучи, повынимай из тухеса. Де дом? Ну? Или как?

– Да хрен знает, когда тут все они до одного места одинаковые! – раздраженно засопел рыжий, уже явно проявляя чувства страха и тревоги этим сопением. – Говорю до тебя ще раз, слухай, пока ухи не отвалятся! Я в стене зарыл. Дом заброшенный был! Камень внизу, до стены. И лиман.

– Ну? – Чернявый глянул вверх, сквозь разрушенный проем окна. Переливаясь под солнцем, застывшая гладь лимана сверкала как алмаз. Хаджибеевский лиман действительно был прекрасен, однако вся красота заканчивалась, стоило лишь взглянуть вверх – там возвышались в ряд заброшенные дома. Из них давно отселили людей – на этом месте планировалось крупное строительство то ли завода, то ли фабрики, местные жители так толком и не поняли. Вскоре после утверждения в колхозе генплана строительства людей из домиков выселили, и… тем стройка и ограничилась. Местные получили другое жилье – в окрестных селах, а некоторые даже в Одессе, ну а дома стали разрушаться, зарастать бурьяном и мусором. Самые догадливые

попытывали из них целые двери и рамы, попытаскивали из кладок прочные кирпичи. И постепенно это место стало пользоваться дурной славой. Кто только не появлялся там по ночам!

То и дело вспыхивали пожары, превращая заброшенные дома в пылающие спичечные коробки. А потом стало известно, что строительство вообще решили перенести в другое место, и земля эта оказалась никому не нужна. И хотя место это было удивительно красивым, но вдруг выяснилось, что существует опасность оползня в лиман, и строить здесь что-то крупное будет опасно. Поэтому заброшенные руины так и остались мрачным воспоминанием о печальных нестыковках социалистического плана, в котором всегда подгонялись цифры, но не учитывались люди.

Руины на окраинах села стали местом встреч всевозможной шпаны. И эти двое парнишек, тайком пробравшиеся внутрь полуразрушенного дома, не были исключением.

Это были представители того уже вымирающего вида уличных беспризорников, которые наводили панику на всех в 1920-е годы. Укрепившись, советская власть принялась бороться с беспризорницей любыми способами, прилагая к этому невероятные усилия. И эти силы были потрачены не напрасно: подростков и детей с улицы забирали в трудовые коммуны и детдома. Жестокая дисциплина, зверские правила делали эти заведения облегченной копией лагерей и тюрем – организаций, которые так страшно, именно страшно полюбила советская власть.

Количество беспризорников на улицах уменьшалось просто с невероятной скоростью. Но из-за жесткости порядков в детдомах массово случались побеги, особенно среди подростков. Эти беглецы снова сбивались в уличные банды, прятались в лазейках узких дворов Молдаванки, в катакомбах за городом. Милиция боролась с ними, но до конца победить не смогла. Периодически появлялись новости о жестоких разбоях и ограблениях, совершаемых уличными подростками.

В общем, эти двое мальчишек, рыщущих на окраине заброшенного села среди разваленных домов, были как раз такими вот представителями уличных подростковых банд.

В руины одного из домов они умудрились спрятать свои деньги, накопленные воровством на Привозе. Завтра они должны были встретиться с лидером района, контролировавшим банды, которому было необходимо платить каждый месяц. Денег не хватало, поэтому мальчишки решили тронуть свою тайную заначку. И... потеряли дом, заблудившись в руинах, среди стен, которые были похожи одна на другую как две капли воды. Долго и понуро они бродили среди развалин, пытаясь выдавить из памяти хоть какую-то зацепку.

– Да ты вспоминай... Вспоминай, Баклан, – едва не взмолился чернявый после бесполезного тыканья в очередную стену. – До вечера, что ли, будем так ходить? Вот больше делов до нас нету, шоб так зашариться в цей смердячке? Думай, Баклан!

– Да думаю я! – яростно окрысился крепыш. – Не морочь мне мордебэйцелы, ты, швицер задохлый! Все трянидишь под ухо и трянидишь! Да за шо ты маешь под меня вот так языком балакать? Завспоминаю я!

– Да шо там было? Ты за голос говори, вдвоем-то легче искать!

– Я и говорю. Дом, вроде, второй до краю... Лиман...

– Да тут везде лиман! – Чернявый готов был взвыть.

– И стены как пообгорелые... Ну, до коробка горела. Такое вот запомнил за ту мыслю, когда шкварился за гроши.

– Подожди-ка, – чернявый вдруг остановился, более внимательно, чем обычно, глядя по сторонам. – Коробка горела, говоришь? Так то за третий дом с краю! А мы за вторым.

– Ну? – вытаращился крепыш.

– Шо ну? Шевеляй шкарпетками! Пошли за третий дом!

– Ну... пошли. – Крепыш нехотя двинулся за чернявым, который мгновенно извернулся в разрушенном проеме двери и стремглав понесся по направлению к третьему дому.

– Оно! – вдруг заорал он, почти сразу подбегая к дальней от входа стене. – Вот оно!

И, присев на корточки, принялся рыть нору в стене, почти как собака, если бы только собаки умели рыть так сосредоточенно.

Буквально минут через пять после невероятных усилий из стены выпал расшатанный кирпич, и крепыш извлек на свет грязную тряпицу, всю в пятнах от машинного масла, в которой хранились их жалкие сокровища.

Мальчишки развернули ее, принялись пересчитывать деньги. Всё было на месте.

– Ух... – Чернявый грязной ладонью вытер со лба пот. – Ну наконец-то... Свездо. За теперь можно расслабиться...

– Это да, но... – начал было крепыш.

Странный треск, вдруг раздавшийся в пустой комнате без крыши, не дал ему договорить. Звук был очень громкий. Это было похоже на то, что как будто под весом треснула доска. Если б вокруг были люди, ничего страшного бы не прозвучало, но кроме двух пацанов в доме не было ни одной живой души.

– Матенька Божья... – прошептал крепыш.

– Не каркай, бестолочь! – шепотом, но злобно отозвался чернявый.

Треск повторился, в этот раз более тихий, но оттого не менее страшный. Было похоже, что в доме рядом кто-то ходит. Это было первое, что пришло пацанам в голову, потому что день стоял безветренный и ясный, и списывать эти звуки на дождь или гром они не могли.

– Мы не одни в доме, – прошептал чернявый, настороживаясь, – здесь кто-то есть.

Из потертых штанов крепыш достал самодельный нож. Его лезвие зло сверкнуло на солнце.

– Думаешь, за нами по следу кто шел, за деньгами? – еле слышно прошептал он. – Ничего, сука, не получит.

– Да не вякай ты! Тихо! – резко перебил его чернявый.

И вовремя: раздался грохот, словно из стены вывалилось несколько камней. Это уже точно не было похоже на шаги человека.

– Крысы или собаки, – с облегчением, уже не скрываясь, не понижая голоса, громко произнес чернявый. – Пойдем-ка посмотрим, что они тут шарят!

И первым решительно шагнул в дверной проем соседней комнаты, откуда доносился шум. Крепыш поспешил за ним. Мальчишки буквально вломились туда и... застыли на месте. Зрелище, открывшееся их глазам, было настолько необычным, что в первый момент они испытали настоящий шок.

На простом деревянном стуле, прислоненном к стене, сидела старая женщина. Ровно, выпрямив спину и расправив руки на коленях. Глаза ее были широко раскрыты. Не отрываясь она смотрела на мальчишек.

– Извиняюсь... э... Мы тут случайно зашли... Звук же услышали... – начал бормотать чернявый, растеряв весь свой боевой задор.

Женщина ничего не отвечала. Не отрываясь, не мигая, она смотрела на мальчишек. Она была очень стара, не меньше восьмидесяти, а может, и больше. Совсем не походила на сельскую жительницу – абсолютно седые волосы были собраны в тугой пучок на затылке. На ней был строгий костюм коричневого цвета: юбка до колен и пиджак, застегнутый на все пуговицы. Это придавало ей вид школьной учительницы. На ногах были абсолютно городские туфли с каблуком-рюмочкой. В общем, все показывало, что это не жительница села, и мальчишки это сразу поняли.

– Извините... э... мы, это, случайно сюда зашли... – уже более громко повторил чернявый. И снова они не дождались никакого ответа.

– Чего она молчит? – не выдержал крепыш, на которого это странное видение навевало просто мистический ужас, дрожа всем телом.

– Не знаю... Давай ближе подойдем, глухая, может, – пожал плечами чернявый.

Мальчишки медленно, шаг за шагом двинулись вперед. Несмотря на то что они старались ступать аккуратно, под их ногами все равно скрипели мусор, камни, песок. И было очень странно, что женщина никак не реагирует на эти звуки.

Наконец пацаны подошли вплотную к стелу. Первым был крепыш. Он сбоку обошел сидящую женщину и вдруг... дико закричал и, продолжая кричать, резко дернулся в сторону. Чернявый схватил его за плечи. Крепыш начал рвать.

Левая половина тела женщины, которую не видели вошедшие мальчишки, была обглодана до костей. Сквозь ткань виднелись висящие клочки окровавленного мяса.

Судя по тому, в каком состоянии находилось ее тело, крепко привязанное к стелу, она была мертва довольно давно.

— Собаки обгрызли... — в ужасе, стараясь не смотреть в ее сторону, нервно проговорил чернявый, — шастали сюда грызть ее.

— Что делать-то будем? — отозвался крепыш, вытирая губы, уже начавший приходить в себя.

— Фараонов звать опасно, — вслух соображал чернявый, — нас точно загребут! Лучше убраться отсюда...

— А кто ее пришил? — не удержался от вопроса крепыш.

— Хрен знает... Может, свои, родственнички расправились... Кто теперь поймет.

— Нехорошо как-то, — вдруг, помолчав, произнес крепыш. И вздохнул: — Старая... вот так сидит...

— А мы что можем сделать? — окрысился чернявый. — Похоронить?

— Да ну тебя! — махнул рукой крепыш. — Мне и взглянуть-то страсть! Не то что это в руки брать...

— Ну, тогда валим, — скомандовал чернявый, и мальчишки, пятясь, двинулись в дверной проем, а затем стремглав понеслись вниз по холму к самому лиману.

Передвигаясь словно в полутиме, Зина переступила порог кафедры. Она опоздала на десять минут, и в помещении уже было полно людей. К счастью, первых пар у нее не было, поэтому опоздание не считалось.

В эту ночь она не сомкнула глаз и чувствовала себя совершенно больной. Страшное открытие давило на нее невыносимым грузом. Виктор Барг в городе. Он вернулся в Одессу. И самое ужасное — не дал знать об этом ей. Не сообщил о своем приезде. Он не захотел ее видеть. Зина чувствовала себя уничтоженной. И ни в какие смягчающие обстоятельства она больше не верила.

Если не сообщил, значит, она была не важна. Все просто. И не нужны никакие сложности. Люди страдают из-за того, что очень сильно усложняют себе жизнь. На самом деле в отношениях все просто. Если Виктор не сообщил ей о своем приезде, значит, он попросту не захотел ее видеть, ему было все равно. А раз так — он ее не любит.

Понимание этого словно сжигало Зину на костре, уничтожая мучительной смесью из ревности, боли, обиды. Под утро она впала в такое отчаяние, что просто принялась расхаживать по комнате из угла в угол — лежать в кровати она не могла.

Ее страшно мучила мысль: как она должна поступить? Заявиться к Баргам и снова устроить скандал? Сделать вид, что ничего не знает, и выжидать, когда Виктор сам появится? А если он вообще не появится, как тогда?

Может, просто караулить по ночам под окнами, так, как она сделала это вчера, разделив служебный пост с сотрудником НКВД? Да что это за позор такой — ей, взрослой женщине, вести себя подобным образом! Еще и до Бершадова дойдет!

К счастью, Григорий Бершадов не появлялся в ее жизни уже долгое время, и Зина успела расслабиться. Но кто знает, как будет дальше. С таким ведомством, как НКВД, ничего нельзя знать наверняка.

Она мучительно страдала, не в силах принять правильное решение. А утром, умывшись холодной водой, чтобы хоть как-то привести себя в чувство, даже не позавтракав, Зина поплелась на работу.

– Крестовская, наконец-то! – Заведующая кафедрой подошла к ней со спины.

От неожиданности Зина вздрогнула.

– Ну что, пришли? – продолжала та, недружелюбно глядя. – А вас тут ждут! И уже давно!

– Кто ждет? – не поняла Зина.

– Да вот… – указав рукой в сторону молодого мужчины в форме сотрудника НКВД, заведующая повернулась к шкафу с книгами и стала изображать, что что-то ищет.

В душе у Зины все обмерло. Она испуганно взглянула на незнакомого человека.

– Доброе утро, – уловив ее взгляд, тем не менее приветливо поздоровался он. – Меня зовут Кирилл Матвеев. Я следователь по особо важным делам следственного управления.

– Доброе утро, – пролепетала Крестовская.

– Где мы можем с вами поговорить? – спросил он.

– Да в моем кабинете разговаривайте, – вдруг встряла в разговор заведующая кафедрой, прислушивавшаяся к их разговору.

Она пропустила их внутрь своего кабинета. – А я пойду… Пойду…

– Да не бойтесь вы так! – обратился к Зине следователь, усаживаясь в кресло за стол заведующей. Изо всех сил он старался излучать доброжелательность.

– Да я и не боюсь, – Зина передернула плечами. Весь ее вид показывал, что она ни капли не верит в его благие намерения.

– Вы знакомы с Софьей Николаевной Старыгиной? – начал он.

– Конечно, – в памяти Крестовской тут же всплыло лицо старушки-библиотекарши. – Она работала заведующей научной библиотекой в нашем институте, потом ушла на пенсию.

– Все верно, – кивнул Матвеев. – У нас есть информация, что вы приходили к ней на квартиру. Зачем?

– Ну, скучала, – пожала плечами Зина. – А это запрещено? Мне не хватало общения с ней. Мы дружили. И я хотела узнать, почему она решила уйти с работы. Но мне сказали, что ее семья переехала, и никто не знает адреса.

– Все верно, – снова повторил следователь.

– Можно узнать причину ваших расспросов? – взглянула на него Крестовская.

– Можно, – скрупульно усмехнулся Матвеев. – Вчера днем в окрестностях села Нерубайское, рядом с Хаджибеевским лиманом, был найден труп Софьи Николаевны Старыгиной.

Зина окаменела.

– Как?! Почему?! За что?! – Она не могла прийти в себя.

Следователь между тем продолжал:

– И это при том, что семья Старыгиной, ее муж и взрослый сын с женой, все вместе переехали на Садовую в Одессе.

– Как на Садовую? – ахнула Зина, начиная приходить в себя. – Это совсем рядом. А что она делала в Нерубайском? В гости приехала?

– Этого мы не знаем. В Нерубайском у нее не было ни родственников, ни знакомых, и ни к кому она не приезжала.

– Как она умерла? – Крестовской хотелось плакать, но она себя сдерживала.

– Первоначально похоже, что смерть наступила от естественных причин – инсульт, кровоизлияние в мозг. Мы ждем подробных результатов вскрытия.

– Но вы же в это не верите, так? – пристально посмотрела на него Зина.

– Нет, не верим, – честно ответил Матвеев. – Понимаете, есть одна очень странная деталь…

– Какая? – Зина насторожилась.

– Ее труп был привязан веревкой к стулу и оставлен в руинах заброшенного дома на самой окраине села.

– Привязан веревкой? – охнула Крестовская. – Но это же неестественная смерть!

– И я так думаю, – кивнул Матвеев.

– Я не понимаю, я не понимаю, зачем ее убивать! Она была такая добрая, культурная… – у Зины не хватало слов. Но тут в ней заговорил профессионализм. – А, кстати, как вы опознали труп?

– Сложностей не возникло, – охотно отозвался Матвеев. – В карман ее пиджака было вложено удостоверение личности. А ее родственники опознали тело.

– Как странно… – Крестовская не могла скрыть печали, охватившей ее при этом жутком известии.

– Я знаю, что вы дружили с убитой, – следователь, помолчав, продолжил: – И я хотел бы узнать, не говорила ли она вам о фактах пропажи книг из библиотеки.

– Что?! – Зина едва не упала со стула. – Какие пропажи книг?

– Ну, есть у нас такие сведения, – уклончиво ответил чекист.

– Я ничего не знаю об этом, – Крестовская задумалась. – Нет, она никогда мне о таком не говорила. Вы думаете, ее могли убить из-за этого?

– Следствие покажет, – покачал головой Матвеев.

– А если ее отравили? – Зина снова задумалась. В ней снова заговорил профессионал. – Признаки отравления нелегко определить на первый взгляд. Тут нужен анализ тканей при вскрытии. Ей могли, к примеру, сделать укол.

– Мы думаем об этом. – Следователь поднялся с места, показывая, что допрос окончен.

Глава 5

**Звезды
были похожи
на погнутые монеты,
разбросанные кем-то в небе.
Замирая в вечерних звуках
большого города,
Зина стояла
на Ришельевской.**

Звезды были похожи на погнутые монеты, разбросанные кем-то в небе. Замирая в вечерних звуках большого города, Зина стояла на Ришельевской.

Это был самый глупый, мужественный, стойкий, безрассудный, сильный, тупой, отчаянный, трусливый, смелый... какой там еще?... поступок в ее жизни. Чтобы понять это, она не спала всю ночь – ночь бессонной муки, шагов по комнате и бешеной пляски мыслей, бьющих в ее мозг как породистые скакуны. Они затоптали ее своими копытами. Выжить было сложно. Но она смогла. Жажда жизни оказалась сильней. Потрясения последних двух дней – Виктор в городе и известие о смерти старушки-библиотекаря – пробудили в душе Крестовской простую истину: сдаться, отступить, потерять жажду жизни да и саму жизнь – очень просто. Это не требует ни решимости, ни особого мужества. А вот выжить, не сломаться, не сдаться вопреки всему – на это способен не каждый. Это только единицам под силу. И Крестовская решила стать такой единицей.

Завернувшись в любимую старую шаль, протертую до дыр, она расхаживала по полутемной комнате, едва освещенной светом тусклого ночника, и думала о смерти библиотекарши.

Зина не сомневалась ни секунды, что старушку убили. Как? Скорей всего, с помощью какого-то яда. Если бы она делала вскрытие, то попыталась бы определить точно. Но это не так просто сделать. Каждый яд вызывает определенные химические реакции, и чтобы их выделить, надо их знать. А это не всегда удается даже опытным специалистам-токсикологам. Зина же давала себе отчет, что не была таким уж специалистом. Поэтому вскрытие тоже представляло сложность.

Но во время вскрытия можно было определить другое – путь, по которому яд попал в организм. Если на теле есть следы уколов – пусть даже одна крошечная точка в месте, не подходящем для укола, – царапины, трещины на коже, это значит, что яд попал путем инъекции прямиком в кровь. Тогда эффект сильней.

Яд мог попасть в организм и через нос – тогда оказались бы повреждены слизистые, они сохранили бы следы вещества. И через рот – с едой, таблеткой. Тогда – содержимое желудка, кишечника. И опять-таки – слизистые оболочки. Вот это Зина уж точно смогла бы определить.

Но никто не даст ей сделать вскрытие. Прежние связи потеряны. Даже Бершадов не вспоминал о ней очень долго. Это хорошо, но...

Жаль, что никто не даст ей заниматься делом о смерти старушки. Это могло бы отвлечь ее от дурных мыслей о Викторе Барге. А мысли эти преследовали Зину все время. Как наглые, непрошеные гости, они лезли в распахнутое окно ее души...

Виктор не хотел ее видеть. Значит, она не пойдет к нему стоять под окнами на Ришельевскую. Для взрослой, уважающей себя женщины такое поведение смешно. Если мужчина не сделал попытки ее найти – этого человека стоит забыть. Нельзя унижать себя напрасно. Карапузы Виктора возле дома – значит себя не уважать.

И Зина, расхаживая по комнате, уговаривала себя быть порядочной женщиной, сохранять собственное достоинство, играть по правилам, не навязываться тому, кто ее не любит...

И только перед рассветом к ней пришла крошечная, спасительная мысль. А, собственно, быть порядочной женщиной – что это такое? И какая особая порядочность заключается в отказе от своей любви? И если попытаться бороться за свою любовь – сразу можно перестать быть достойным и порядочным человеком?

Кто навесил эти глупые, ничтожные ярлыки? Почему нельзя в голос заговорить о своих чувствах и попытаться выяснить – любит тебя человек или нет? Разве это не лучше, чем, сохранив мнимое достоинство, таскаться по комнате, выстраивая вокруг себя стены, ограждающие душу черной, застывшей мерзлотой мертвой надежды, которая иногда бывает страшней самого жестокого горя. Недаром говорят: горе можно пережить, а ложную надежду – нет.

Но, собравшись, Зина все же прогнала от себя эту мысль и пошла на работу. Весь день она вела занятия как в полусне. Даже студенты заметили, что с ней происходит что-то не то. Вернувшись домой, поужинала и твердо решила навсегда забыть Виктора Барга. И никогда больше не ходить на Ришельевскую.

Через полчаса она уничтожила в себе слова «навсегда» и «никогда». А еще через 20 минут поступила как женщина, впервые решившая вычеркнуть из своей жизни жесткие рамки правил – оделась и пошла на Ришельевскую. И по дороге, спеша в уже наступившей темноте, поняла, что это решение было самым правильным в ее жизни.

Лучше быть убитой сразу. Можно либо умереть, либо выздороветь. Это гораздо лучше, чем медленно отравлять себя, умирая от угаря лживой надежды. Ведь противоядия от такого нет.

В доме на Ришельевской в квартире Баргов светились всего два окна. Зная расположение комнат, Крестовская поняла, что освещена гостиная. Почему-то она сразу поняла, что старики дома, а Виктора, если он по-прежнему жил здесь, нет.

Притаившись напротив ворот, Зина принялась ждать. В этот раз за домом Баргов она наблюдала в полном одиночестве. Улица была довольно оживленной – люди гуляли, разговаривали, смеялись. Проезжали автомобили. Даже в это время вовсю шло строительство домов. Стройки, ярко освещенные мощными электрическими фонарями, работали допоздна.

Но Зину эта суeta никак не касалась – она стояла и смотрела на окна дома, стараясь при этом не упустить из виду дорогу и подход к воротам. Мысли ее были полны горечи. Она не могла не думать о том, как было бы прекрасно гулять в такой вечер вдвоем с любимым! Под звездами, которые освещали бы им путь... И шум ветра доносил бы до них запах моря – самый драгоценный из всех запахов, который нельзя сравнить с запахом любых, самых дорогих духов. Этот запах заплетался бы в их волосы, чтобы потом не выветриться... Но Крестовская стояла одна под звездами и видела, как вечер плавно переходит в ночь, и не понимала, чего еще стоит ждать в этом мире, каких ударов или, наоборот, наград...

Шум автомобильного двигателя вырвал ее из этого мрачного круга мыслей. Зина мгновенно узнала знакомую машину. Она быстро перебежала на другую сторону улицы, и вовремя. Автомобиль остановился перед воротами, и из него вышел Виктор. В этот раз он не разговаривал с водителем, а сразу пошел к воротам. Зина, не помня себя, вскочила ему навстречу.

– Виктор… – Ее появление было таким внезапным, что Барг отшатнулся. Он даже отступил на несколько шагов назад и побледнел. Над воротами ярко горела лампочка, прекрасно освещая этот участок улицы, поэтому Зина смогла разглядеть, как меняется выражение его лица. Она видела все. И даже самое страшное: при виде Зины глаза его не зажглись. Похоже, он был совсем не рад ее видеть.

– Здравствуй, – ей было сразу понятно, что Виктор, справившись с растерянностью, взял себя в руки. Он не улыбался.

– Не ждал? – спросила Зина, сохраняя игривый, легкий, жизнерадостный тон.

– Честно говоря, нет, – сухо отрезал Барг.

– Ты давно в городе? – Крестовская проглотила горький комок, поняв, что он не поддерживает ее наигранной легкости.

– Да, давно. Уже несколько месяцев.

– Давай поговорим? – Зина как могла легко произнесла эту фразу, хотя сердце у нее высакивало из груди.

– Да поздно уже, – Виктор отвел глаза в сторону, – и где? Мои родственники тебя, мягко говоря, недолюбливают и не позволяют привести тебя в квартиру. А время сама видишь какое.

– На Дерибасовской есть кафе, которые открыты допоздна. Это же в двух шагах отсюда. И потом, мы можем пойти ко мне… – Зина почти умоляла.

– Нет, – Виктор решительно мотнул головой, – нет.

– Понятно, – вздохнув, Крестовская отбросила в сторону свой жизнерадостный тон. – Значит, ты не хочешь со мной разговаривать? – уже сухо спросила она.

– Не хочу, – твердо произнес Барг. – Нам больше не о чем говорить.

– Ну почему же… – горько усмехнулась Зина и добавила не без ехидства: – Мне, к примеру, было бы очень интересно узнать, почему ты не боишься ареста и НКВД? – Похоже, терять ей было уже нечего.

– Ты угрожать мне вздумала? – вкрадчиво отозвался Виктор. Голос его был полон ненависти.

– Нет, – уже совсем спокойно сказала Зина, – нет, что ты, я не угрожаю близким людям. А ты по-прежнему остаешься моим близким человеком, что бы ни произошло.

– Обстоятельства изменились. Игоря выпустили, – уклончиво ответил Барг, – и я смог вернуться в город. Я теперь работаю на государственном предприятии. На должности.

– Поздравляю, – без тени улыбки произнесла Крестовская.

– Тебе лучше меня забыть, – пытаясь прекратить разговор, сухо и четко сказал Виктор.

– Поэтому ты не искал меня, когда вернулся в Одессу? Даже попытки найти не сделал? Я хочу знать! – допытывалась Зина, чувствуя, что с головой погружается в отчаяние, и очень надеялась, что он этого не видит.

– Да, поэтому, – жестко отрезал Барг. – Ты же умная женщина, все должна понять.

– Когда женщина говорят, что она умная, значит, она ведет себя как полная дура да и выглядит так же, – горько усмехнулась Зина, стараясь спрятать слезы.

– Не начинай, – скривился Виктор. – Ты не та женщина, которую я ждал, – он замялся. – Лучше будет, если мы никогда больше с тобой не встретимся.

– Почему?! Ну почему? – воскликнула Зина, забыв мгновенно о том, что она себя контролирует. – Почему, объясни?!

– У меня есть женщина, – пожал плечами Барг. – Понимаешь? У меня есть другая женщина, Зина. И я счастлив. Я ее нашел и живу с ней. Ты должна понять, что, если бы я хотел

видеть тебя, я бы тебя нашел. А я не хотел, – он снова пожал плечами, как бы удивляясь ее глупости.

Зина была готова к подобному. Она понимала, что может услышать что-то подобное, и изо всех сил снова постаралась держать себя в руках. Но она не могла подумать, что боль эта будет такой страшной. Она, эта боль, вонзилась в сердце, в мозг, в горло, в душу с такой силой, что Крестовская едва удержалась на ногах. На какое-то мгновение она даже перестала дышать, вмиг утратив эту способность, и все вокруг накрылось черным облаком.

– У тебя есть женщина… – через силу повторила она в отчаянии, потому что сейчас это был единственный способ спастись: повторить приговор.

– Да, есть, – кивнул Виктор. – Я встретил женщину, и я живу с ней. Я привез ее в Одессу.

– Но ты же любил меня! И все это неправда! – Зина даже не давала себе отчета, что унижается перед ним. Просто эта боль была столь чудовищной, что сознание просто отказывало ей.

– Ну а сейчас не люблю, – тем же сухим, безжизненным тоном произнес Барг. – Если бы любил, я бы появился. Нашел бы тебя. Так что извини. Мне больше нечего тебе сказать.

Развернувшись, он исчез в воротах. А Зина, не понимая, что делает, села на бордюр тротуара и закрыла лицо руками. Так, раскачиваясь, она сидела какое-то время, до тех пор, пока кто-то не тронул ее за плечо.

Она подняла голову. Перед ней, держась за руки, стояла пара – молодой человек и девушка.

– Женщина, вам плохо? – участливо спросил парень. – Почему вы сидите на земле?

– Плохо, – кивнула Зина, уставившись на их соединенные руки.

– Давайте мы вызовем «скорую помощь»! – звонким, счастливым голосом произнесла девушка.

– Нет, – помотала головой Зина, – спасибо, нет. Я… я домой пойду. И вы идите… И руки не разнимайте. Никогда.

Парень с девушкой переглянулись, удивляясь ее словам.

– Идите, – Зина, пошатываясь, поднялась с бордюра. – Я… я тоже пойду домой. – И она сделала несколько неуверенных шагов.

– Пойдем, – девушка потянула парня за рукав.

– Может, все-таки «скорую» вызвать? – все еще сомневался тот.

– Да ну! Пьяная она! Напилась сильно. Разве не видишь? – засмеялась девушка.

– Похоже, и вправду напилась… – задумчиво кивнул парень.

– Фу, какая гадость! Пьяная женщина! Что может быть отвратительней! Видишь, как тебе повезло со мной? – Девушка, бесконечно жестокая в своем счастье, смеялась все громче и громче. Правду говорят, что счастливые люди нечувствительны к горю.

Не слушая их больше, Зина поплелась прочь. Несколько раз она останавливалась, хватаясь за деревья или стены домов. Поздние редкие прохожие шарахались от нее. Зине казалось, что кто-то поднял ее вверх, а потом изо всех сил швырнул на острые камни. Выживет или разобьется – вопрос оставался открытым.

Наконец, добравшись к себе домой, она очень быстро разделась, легла в кровать и закрыла глаза. И, к своему глубокому удивлению, застывшему на краю сознания, почти сразу погрузилась в сон. Плотный. Тяжелый. Без сновидений.

Уже утром Крестовской стало понятно, что она выжила. Очнувшись на рассвете, она сразу подумала, что вот сразу же станет умирать от боли. Но ничего такого не было. Шоковая терапия оказалась целительной. То, что могло убить, заставило ее жить. Но и спать ей больше не хотелось. Одевшись, приведя себя в порядок, Зина пошла на работу.

Первая пара должна была состояться в главном корпусе в большой аудитории с огромными окнами. В этот ранний час в институте находился только сонный вахтер. Привыкнув к тому, что Крестовская часто приходит на работу раньше всех, а уходит позже остальных, он

без лишних вопросов впустил ее в здание главного корпуса. А сам пошел досыпать в узенькую комнатушку на вахте, где стояла застланная грубым солдатским одеялом узкая кровать.

Зина быстро поднялась по большой мраморной лестнице и подошла к дверям аудитории. Как правило, они не запирались. Вечером тут хозяйничали уборщицы и оставляли двери открытыми. Поэтому Крестовская абсолютно не удивилась, увидев приоткрытой нужную ей дверь. По коридору гулял сквозняк. В аудиториях топили слабо. Зина в своем тонком пальто поежилась от холода. Толкнув дверь, она вошла внутрь.

Понятно, почему везде гулял сквозняк: огромные окна были нараспашку. Неужели это сделали уборщицы? Крестовская подошла к первому окну, чтобы закрыть его, и остановилась.

В аудитории кто-то был. Столы и скамьи в ней располагались как в амфитеатре – с возвышением. На самом верхнем ряду сидел человек, очень пожилой, почти старик – седые волосы, окладистая борода. На нем было серое пальто. И он совсем не был похож на студента.

– Что вы тут делаете? – крикнула снизу Зина, которой страшно не понравилось появление постороннего человека в институтской аудитории. – Здесь сейчас лекция начнется… Вы кто?

Старик не ответил, он продолжал спокойно сидеть, очень ровно, расправив руки на коленях. Глаза его были широко раскрыты. Недолго думая, Крестовская решительно стала подниматься наверх. Вот и последний ряд.

– Вы меня слышите? – крикнула она, приближаясь к старику, и… осеклась. Медицинское образование плюс годы работы в морге патологоанатомом не дали ей ошибиться – старик был мертв. Перед ней сидел труп. Более того: все его тело – грудь, колени, лодыжки – опутывала широкая пеньковая веревка, заставлявшая его находиться в таком состоянии.

Веревка! Все было в точности так, как в истории со смертью старой библиотекарши! Ее тело тоже привязали веревкой, чтобы сохранить неподвижность. Вот только зачем?

Крестовская почувствовала, как по спине пробегают мурашки. Она была слишком хорошим врачом, чтобы при виде трупа терять самообладание и кричать. Да и вообще – после стольких лет работы в морге не кричат. Но тут она ощутила что-то такое жуткое, буквально пропитавшее воздух, настолько зловещее и тревожное, что прямо-таки начало давить на нее… Ей стало страшно. И этот страх сухой, треснувшей коркой буквально сковал ей губы.

Обернув руку платком, Зина прикоснулась к лицу неизвестного, потом к его рукам. Судя по температуре кожного покрова и окостенению, он был мертв не меньше шести часов. Если учитывать, что сейчас семь утра, значит, он умер около полуночи… В такое время здесь нет даже уборщиц. Что же он делал здесь, в главном корпусе института, ночью?

Крестовская принялась внимательно осматривать тело. Никаких ран или признаков насильственной смерти она не заметила, не было и следов крови. Судя по первичному осмотру, этот человек умер естественной смертью. Тогда зачем веревка?

Ему было не меньше семидесяти. В общем-то в таком возрасте естественная смерть могла бы не вызвать никаких подозрений. Зина понюхала губы старика – часто запах яда можно было уловить, например, запах горького миндаля, если бы это был цианистый калий, к примеру. Но она ничего не почувствовала – ни горького миндаля, ни алкоголя, ни запаха лекарств.

Она заглянула в карманы пальто. Пусто. Вдруг ее внимание привлекло то, что пальто оттопыривается на груди старика. Зина расстегнула пуговицы, и извлекла на свет какую-то старинную книгу в переплете из коричневой кожи. На ней не было ни названия, ни имени автора – ничего, кроме каких-то тисненных надписей.

Она как-то сразу поняла, что книга старинная, во всяком случае, переплет выглядел соответствующим образом. Открыла, перевернула страницу.

Похоже, это была кириллица. Но прочитать Зина не смогла ни строчки. Значит, церковнославянский? На первых страницах книги тоже не было ни названия, ни заглавия, ни иллюстраций. Только текст.

Она перевернула несколько страниц, и остановилась – дальше они были склеены. Это было странно и опасно: Зина знала, что в ценных древних книгах страницы смачивали ядом, чтобы любопытный слюнявя палец, пытался их разделить, и через слону яд попадал в кровь. Тем более, эта книга выглядела такой необычной...

Настолько необычной, что Крестовская вдруг задумалась: а не рукописная ли она? Тогда книга была еще древнее, чем Зина думала.

Какая жуткая и при этом странная история! Древняя книга... Мертвый старик... И надо же, чтобы она нашла труп! Зина хорошо знала, что в милиции подозревают именно тех, кто обнаружил тело. Что ж, придется рискнуть.

Засунув странную книгу обратно, в карман на груди пальто старика, Зина рванула вниз к вахтеру – только в его маленькой каморке был телефон.

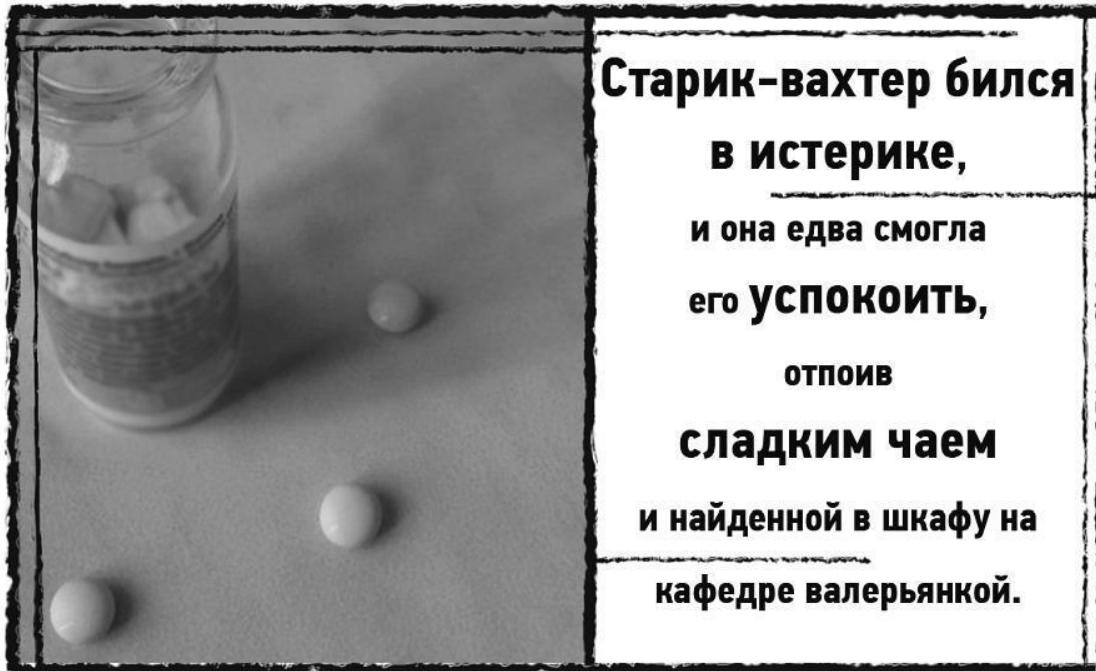
Вахтер посмотрел на нее страшными глазами:

– Какой труп, какое тело, какой старик?... Да никто сюда ночью не входил! Я ж здание запираю!

– Ну, на третий этаж как-то он проник! – рассердилась Зина. – Значит, вы просто спали как убитый! Да, а ведь можно было пробраться с черного хода!

Старик задрожал как осиновый лист. Зина подняла трубку телефона и вызвала милицию.

Глава 6

— Вот с чего вдруг я должен вас впустить, — нахмурился следователь Матвеев, — когда работает следственная группа? По-настоящему — я вас арестовать должен!

Зина рассмеялась. Матвеев хмурился очень комично — сдвинув брови, приподняв губу, так, как хмурятся совсем маленькие дети. И она вдруг подумала, что следователь похож на мальчишку. На очень привлекательного мальчишку. И — что только придавало ему привлекательности — на мальчишку, который до конца готов стоять на своем.

Следственная группа прибыла ровно через час после того, как Крестовская подняла трубку телефона. Старик-вахтер бился в истерике, и она едва смогла его успокоить, отпив сладким чаем и найденной в шкафу на кафедре валерьянкой.

— Арестуют... Вот как пить дать арестуют... — стонал несчастный старик безостановочно. — Как же... На вахте всю ночь... А он... в здание проник... Арестуют...

— А ну-ка спокойней! — в конце концов Зине надоело его утешать, и ей не оставалось ничего другого, кроме как прикрикнуть. — Надо во всем разобраться! Здесь и сейчас. А уж аресты потом.

— Арестуют... — продолжал вахтер. У него тряслись руки, а в глазах дрожали предательские старческие слезы, придававшие ему совсем уж беззащитный вид.

Крестовская прекрасно понимала, что он прав — его арестуют. Проникновение человека в запертое здание — это халатность на рабочем месте. И уголовная статья на этот случай существует. Ведь если проник — мог и украсть. Теоретически. Хотя и не украл, а только умер в аудитории. И неважно, что расплатой за такую халатность просто не может быть человеческая жизнь.

Зине было безумно жаль этого несчастного вахтера. Может, он и выпивал, может, и проспал всю ночь беззаботно, охраняя монолитные, смолкнувшие до утра корпуса института. Но он был старым. Слезы текли из его глаз. И у него трясились руки — совсем как кроличьи лапы. А Крестовская не могла видеть, когда у человека трясутся руки: в этом была какая-то унизи-

тельная беспомощность – и для того, кто трясясь так, и для того, кто видел это, но ничем не захотел или не мог помочь.

– Хорошо, – решилась Зина, – я знаю, что сказать: вы тут ни при чем. Была не была! Но только при одном условии.

– На все согласен, благодетельница вы моя! – не помня себя, запричитал стариk, пытаясь стать на колени. К счастью, Зина вовремя успела его подхватить, испытывая какое-то странное чувство опустошенности пополам с омерзением.

– Все сделаю… Отработаю… И деньгами… – хрипел вахтер безостановочно.

– А ну хватит! – не выдержав, наконец рявкнула Зина. – Хватит унижаться, а то передумай! Условие у меня очень простое.

– Какое же? – Стариk, по всему было видно, пришел в себя.

– Рассказать мне всю правду! Понятно? Всю, как есть. То, что нельзя сказать в милиции, – Крестовская смотрела прямо ему в глаза.

– Вот те крест… Ой… – Вахтер, перепугавшись даже больше ареста вдруг выплывшего из памяти крестного знамения, которое он успел свершить, замолк.

– В котором часу заступили на дежурство? – наступала Зина.

– В семь… – очнувшись, заморгал стариk, – в институте еще люди были. За последним закрыл дверь в 21.10. Вот, у меня в журнале записано…

– Двери на замок запер? Корпус проверял?

– Двери – да, на замок. А вот корпус мы никогда не проверяем.

– А пить когда стал? – строго посмотрела на него Зина.

– Ну… Около половины десятого первые пятьдесят налил… – не посмел соврать вахтер.

– Что пил? Сколько?

– «Столичную». Вот, купил в соседнем магазине, как на работу шел. – Стариk, повинуясь, извлек из мусорного ведра бутылочку в 250 грамм.

– Всего-то? – изумилась Крестовская, понимая, что вахтер мог выпить намного больше.

– Мне нельзя, – объяснил он, словно оправдываясь. – Доктор запретил – сердце у меня больное. А это так, пустячок…

– Один пил?

– А с кем же? Никого здесь не было.

– Что произошло потом?

– Потом… – Стариk быстро заморгал, преданно глядя в глаза Зине, – потом… не поверьте, матушка-благодетельница вы моя… Как отрубился…

– В смысле? – Чего-то подобного она ожидала.

– Как вырубило! Ничего не помню! Даже вот как на койку лег! Лишь около шести утра очнулся! – Вахтер смотрел на Крестовскую как собака – преданно, ожидая ее ответа или решения.

С десяти вечера до шести утра отрубился от 250 грамм водки? Зине стало ясно, что его чем-то опоили. Скорей всего снотворным.

– Где крышка от бутылки? – строго спросила она, и вахтер, снова порывшись в мусорном ведре, отыскал-таки жестянную крышечку.

Зина стала внимательно рассматривать эту крышечку на свет и очень скоро обнаружила достаточно большую дырку – явно от толстой иглы шприца. Все понятно: в водку старику впрыснули снотворное.

– Вы выходили из своей каморки с семи до девяти часов? – обернулась она к вахтеру.

– Да все время! – воскликнул он. – Почитай, меня на месте не было. То поднеси, то на кафедру зайди в журнале распишись… То транспарант прибей…

Картина прояснялась: пока вахтера отвлекали, кто-то из тех, кто находился в институте в этот момент, пробрался к нему в клетушку и шприцем впрыснул снотворное в бутылку водки, зная, что он точно выпьет ее на дежурстве.

Очевидно, то ли сам сотрудник института, то ли от него этот человек хорошо знал о привычках вахтера. Это тоже был след. Зина неожиданно подумала, что уж сколько лет работала в институте, но о привычках этого несчастного старика не знала ровным счетом ничего.

И был ли человек, подливший снотворное, убийцей? Скорей всего да. Ну допустим. И что же произошло дальше?

Так, вахтер отрубился, не проверив корпус – есть кто-то или нет. Человек вышел из укрытия. Отпер входную дверь. Впустил убитого. Вместе они поднялись в аудиторию. Да, убийца, похоже, почти сразу запер входную дверь. И выбрался, скорей всего, через окно первого этажа.

Вместе с убитым стариком он поднялся в аудиторию. Потом что-то произошло. Удостоверившись, что несчастный мертв, убийца привязал его тело веревками к скамье, а сам покинул здание, как Зина и подумала, через открытое окно на первом этаже.

В общем, Крестовской картина убийства была полностью ясна. Но зачем, зачем жертву привели в институт? Что они с убийцей тут делали? Книга?... При чем тут книга? Все эти вопросы были пока без ответа. И Зина понимала, что только она сможет на них ответить.

Завернув в газету пустую бутылку из-под водки, она положила ее в портфель, намереваясь сделать анализ на наличие снотворного. На дне бутылки оставалось немного жидкости, этого было вполне достаточно для анализа. И это означало, что старик начал отрубаться раньше, чем смог допить до конца. А из этого уже можно было сделать два важных вывода.

Первый: концентрация снотворного была достаточно высока. И второе: человек, вливший смесь в водку, имел серьезные знания в медицине, и это были знания врача, а не медсестры, так как только врач смог бы рассчитать правильную дозу препарата, способного вырубить человека с десяти вечера до шести утра, вступив в реакцию с алкоголем. Промежуток времени совсем немалый.

– Вы видели этого человека раньше? – спросила Зина после того, как вахтер поднялся вместе с ней наверх взглянуть на труп. – Мог ли он приходить к кому-нибудь раньше?

– Никогда в жизни не видел! – испуганно тряс головой старый вахтер. – Я бы его запомнил. Странный какой-то... с бородой... Такие бороды сейчас никто не носит...

Зина тоже обратила внимание на это. Борода неизвестного вызывала в ее памяти какие-то ассоциации с историей, с временами царский империи, с благообразными старцами, с уважаемыми, вышедшиими на покой купцами. В советской гонке за пятилетками таких бород нельзя было встретить – они ушли в прошлое, как и роскошные женские косы.

Зина и сама совсем недавно сделала модную короткую стрижку и вовсю наслаждалась внезапно полученной свободой, она это очень хорошо почувствовала, прекрасно понимая при этом, что люди старшего поколения совсем не одобрили бы ее прическу. Но ей было все равно.

Глядя на мертвого старика, Крестовская вдруг подумала, что он словно сошел с картинки какой-то старинной иллюстрации. Неожиданно для себя она задумалась о том, как выглядел он при жизни. Пальто его было старым, да, но из хорошей ткани и чистым. Ботинки, хоть и порванные, явно старые, со стоптанными каблуками, но не грязные. И главное – тело его было чистым. От бороды пахло глицериновым мылом и какими-то душистыми травами. И волосы были чистые...

Все это Зина заметила, когда осматривала покойника, понимая, еще по работе в морге, как важны все эти признаки. Старик не был бродягой – он ухаживал за собой. Не был и алкоголем – пьяницы выглядят иначе. За время работы в морге Крестовская насмотрелась этого всего.

В общем, все это выглядело очень загадочно и при том так же интересно. Зина буквально загорелась разгадать эту загадку. И главное – она почувствовала, что все остальное уходит на второй план – в том числе и ее собственные переживания.

Отпоив вахтера валерьянкой, Крестовская подготовилась ждать. Но ждать ей пришлось недолго – через час прибыла следственная бригада во главе с уже знакомым ей Кириллом Матвеевым.

– Вы? – иронично усмехнулась Зина, почему-то совсем не удивившись тому, что приехал именно он.

– Надоел мне уже ваш институт! – в сердцах отозвался Матвеев. – Ну, показывайте вашего жмурика!

После осмотра, оставив на месте экспертов (аудиторию, конечно, закрыли для занятий, а лекцию отменили), Матвеев спустился вниз, к вахтеру, где его уже ждала Зина и обезумевший от страха стариик.

– А как он оказался ночью в запертом корпусе института? А? – грозно сдвинул брови Матвеев.

– Не ночью, – быстро отреагировала Крестовская, – он часов с шести вечера пришел, во всяком случае, до того, как вахтер на смену заступил. Я сама, лично, его видела.

– Объясните? – не поверил Матвеев.

– Я стояла в холле, здесь, внизу, коллегу ждала, – принялась вдохновенно врать Зина, – а она опаздывала. На смене дневной вахтер был, двери открыты, столько народа входило и выходило! И вдруг смотрю – дедушка этот заходит, сразу ко мне. Спросил, как пройти в эту аудиторию, мол, внук у него на вечернем учится, хочет его повидать…

– Фамилию внука назвал? – прищурился Матвеев, и было непонятно, верит он ей или нет.

– Нет, не назвал, – смело ответила Крестовская. – Я рассказала ему, как пройти. Он поднялся наверх. Потом появилась моя коллега, мы начали общаться, и только потом я сообразила, что в этот день нет лекций вечерников!

– И сколько времени прошло, как сообразили? – съехидничал Матвеев.

– Ну, с полчаса! – пожала плечами Зина. – Я сразу поднялась наверх, но в аудитории никого не было, там уже убирала уборщица. Я решила, что стариик ушел, и больше не думала об этом. А сегодня, как вошла в аудиторию, увидела его и узнала.

– Как узнали? – не унимался Матвеев.

– По бороде! – съехидничала в свою очередь она.

– А как вы думаете, что произошло?

– Не знаю, – Зина снова пожала плечами. – Я уверена, что стариик где-то прятался. Вокруг ведь полно шкафов, ниш, пустых аудиторий… Никто и не заметит. Тем более, не заметил ночной вахтер, когда осматривал территорию. Не будет же он в каждый шкаф заглядывать! Это не входит в его компетенцию.

– Думаете, он мог его не заметить? – задумался Матвеев, и Зина поняла, что вахтер спасен.

– Уверена! – воскликнула она. – Конечно! Как может прийти в голову, что в институте ночью кто-то прячется? Вам бы пришло? Мне – нет.

– А может, вахтер напился?… – вслух вдруг подумал Матвеев и, бросившись к мусорному ведру, начал в нем рыться.

Зина про себя вздохнула с облегчением: какое счастье, что она забрала оттуда пустую бутылку из-под водки!

Не найдя ничего подозрительного, Матвеев заметно расстроился. Подумав минуту, он стал подниматься наверх. Крестовская двинулась за ним. А затем, набравшись храбрости, решительно постучала в закрытую дверь. Матвеев был явно недоволен, но не удивился. Зина

вдруг поняла, что он знает: она связана с НКВД. И обрадовалась, что наговорила с три короба ради спасения старика-вахтера. Стало понятно, что Матвеев ее не тронет.

– Вот с чего вдруг я должен вас туда впустить? – резко сказал он. – Да еще и когда работает следственная группа? По-настоящему я вас арестовать должен!

– А за что? – рассмеялась Зина.

– Ну… за пособничество антисоциальным элементам в проникновении в государственный объект! – выпалил он, и Крестовская вдруг подумала, что Матвеев совсем молод, не старше 27 лет, и от этого у нее почему-то защемило сердце. Наверное, потому, что самой ей в феврале исполнилось уже 37.

– Не смешите мои тапочки! – продолжала разваться она. – Ничегошеньки вы меня не арестуете!

– Ну, может, и не арестую… – вдруг смутился Матвеев, покраснев, и отвел глаза в сторону.

«Знает, что не отступлюсь, – подумала Зина, – и, похоже, это ему даже нравится». А вслух произнесла:

– Старик – не антисоциальный элемент. Не бродяга и не пьяница.

– С чего это вы взяли?

– Вот впустите – я вам все расскажу.

– Ладно. Заходите, – Матвеев быстро распахнул дверь и проворчал: – Быстро только, а то меня с работы выгонят.

Тело неизвестного старика было уже упаковано в брезент и лежало на полу у преподавательского стола. Наверху, возле скамьи, где раньше находился труп, работали двое экспертов в белых халатах. Скучающий милиционер охранял входные двери. Еще один занял наблюдательный пост у окна.

Зина кратко рассказала о своих выводах. Лицо Матвеева вытянулось:

– И как я сам не додумался! А ведь действительно…

– Просто у меня есть опыт в подобных делах, – мягко перебила его она.

– Я слышал, – нехотя признался Матвеев.

– Так что теперь, думаю, вам моя помощь очень даже понадобится, – улыбнулась Зина.

Матвеев вдруг снова покраснел, и Крестовская с удивлением поняла, что она ему очень даже нравится. Вот это был номер! Зина давным-давно вообще забыла, что она женщина! А тут… Мальчишка, моложе лет на 10… Да еще такой милый… Эти внимательные карие глаза чего только стоят…

Усилием воли Крестовская попыталась выбросить дурные мысли из головы, но они почему-то не выбрасывались. Попытавшись бороться с собой, но явно не добившись успеха в этой борьбе, Зина расстроилась.

– А что, правда, что вы действительно работали в морге? – вдруг прервал поток ее перегревательных размышлений Матвеев.

– Да, работала, а что? – удивилась Зина.

– Тогда я хочу, чтобы именно вы сделали вскрытие этого человека. Можете?

– Могу, конечно, – пожала Крестовская плечами. – Но зачем?

– Видите ли… – Матвеев замялся. – Эксперты говорят, что этот человек умер естественной смертью, ведь нет никаких признаков насильственной… Но я, честно говоря, им не верю. Точно так же, как в случае с той библиотекаршей… Кстати, вы не находите, что два этих случая – один в один, как под копирку? В общем, я не верю.

– Правильно не верите, – усмехнулась Зина. – Никакая это не естественная смерть!

– Тогда, значит, завтра с утра? Сможете подойти к моргу часов в девять?

– Хорошо, – кивнула Крестовская. – Да, кстати, а книгу вы нашли? Где она? Можно на нее взглянуть?

– Какая книга? – Матвеев удивленно уставился на нее.

– Ну как же, у старика под пальто была книга! – воскликнула Зина. – Старинная, в переплете из темно-коричневой кожи. Вы что, издеваетесь? Как вы могли ее не найти?

– Это вы издеваетесь! – вспыхнул Матвеев. – Никакой книги не было!

– Как это не было? – оторопела Крестовская. – Я же ее своими глазами видела! Даже раскрыла, текст посмотрела. Там страницы склеены были! И мне еще показалось, что некоторые страницы из нее вырваны!

– Так… А вот с этого момента давайте поподробнее! – Матвеев стал совершенно серьезным. – Расскажите мне все, что вы видели.

Зина стала говорить. По мере ее рассказа лицо его мрачнело все больше и больше, пока в конце концов, не превратилось в грозовую тучу.

– Книгу кто-то забрал, пока вы были внизу с вахтером, – резюмировал Матвеев. – Как же вы не догадались забрать ее с собой?! – воскликнул он, не сдержавшись.

– Я и не собиралась этого делать! – мотнула головой Зина. – Эта книга выглядела очень странно… Я подумала, что лучше ее не трогать.

– Ладно, – вздохнул Матвеев, – что уж теперь говорить. Увидимся на вскрытии.

Тело старика погрузили на носилки и вынесли из аудитории. Эксперты свернули свои чемоданчики и вышли следом.

– Я хочу здесь еще немного побывать, – сказала Зина, после того как стало ясно, что Матвеев собирается уходить вместе со всеми. – Одна. Посмотреть хочу еще.

– Да нечего здесь смотреть, – махнул рукой Матвеев. – Мы здесь все обшарили, что только можно.

– А я все-таки попробую, – настаивала Зина.

Он пожал плечами и вышел. Крестовская осталась одна. Страха не было – наоборот, Зина чувствовала такой прилив эмоций, что сама себе напоминала гончую, идущую по следу. Она поднялась на самый верх, к скамье, где сидел убитый старик.

Смотреть там действительно было нечего. Ни на полу, ни под скамьей, ни под столом ничего не было. Зина спустилась на ряд ниже – снова ничего. Затем, вообще не понимая, что делает, она стала спускаться по всем рядам все ниже, старательно осматривая пространство между сиденьями, пол, всевозможные щели в скамье, заглядывая под столы…

Спустившись к третьему ряду, в узкой щели между скамьей и полом Зина вдруг увидела что-то непонятное: узкую полоску желтоватого цвета. Опустившись на колени, она поняла, что это какая-то бумажка, угодившая прямо в щель. Вытащить ее руками было невозможно. К счастью, Матвеев оставил ей ключ от аудитории, велев запереть, когда все закончит, и принести ключ в морг.

Зина помчалась в лабораторию, взяла там скальпель и тончайший медицинский пинцет. Подрезав доски пола скальпелем, она пинцетом вытащила… обрывок старинной книжной страницы. Каким-то чутьем Крестовская сразу поняла, что это страница из той самой книги…

Рисунок, сохранившийся на обрывке, был выполнен в старинном стиле, в желтых и красных тонах. На нем был изображен веселый чертик, на которого был накинут большой красный халат, напоминающий облачение священника. Одной рукой чертик протягивал скипетр, а другой бил в колокол, держась за веревку. Перед ним на коленях стояла толпа людей и тоже протягивала к нему руки.

Черттик улыбался до ушей. Ниже виднелась надпись, которую было сложно разобрать. В конце концов Зине удалось прочитать: «АНГЕЛ-ГУБИТЕЛЬ». Теперь она прекрасно знала, что следующей ее целью будет поход в библиотеку, чтобы понять, что это может быть за книга.

Спрятав обрывок страницы в сумку, Крестовская вышла из аудитории.

Глава 7

Улыбнувшись,
ОН ВСТАЛ,
открыл скрытую дверцу,
достал бутылку
дорогого
армянского коньяка
и два стакана.

Было странно вновь чувствовать разлитый в воздухе формальдегид. Переступать порог, за которым было похоронено столько прошедших дней. Серые стены, плитки пола... Зина споткнулась, остановилась у порога, побелевшими пальцами вцепилась в косяк двери. Она была похожа на утопающего, хватающегося за спасательный круг. От кого хотела она спастись? Или кого-то спасти?...

– Скучаете? – по-своему истолковал ее нерешительность Матвеев.

И в самом деле – Крестовская сама себе не могла объяснить, что с ней происходит. Что же сказать, чтобы было понятно ему?

– Нет, – решительно мотнула она головой, – не скучаю.

И тут же, боясь, что это может выглядеть слишком резко, поспешила добавить:

– Просто я уже очень давно не проводила вскрытия. Боюсь не справиться.

– Чепуха! – беззлобно хохотнул Матвеев. – Тот, кто однажды вошел в эти стены, запоминает такое на всю жизнь.

Зина поразилась, как точно он сформулировал то, о чем на самом деле не имел ни малейшего представления.

Внутри морга было тихо. Только в комнате для санитаров, как и прежде, слишком громко тикали поломанные часы. Они отставали, всегда показывали неправильное время, и Зина вдруг подумала: успели их починить или нет...

– Скажите, – обернулась она к Матвееву, чтобы отвлечь себя от прошлого, – а этого человека вы опознали? Есть какие-то предположения, кто это?

– К сожалению, нет. Никаких зацепок, – вздохнул Матвеев. – Личность его мы установить не смогли. Пока. Конечно, это вопрос времени. Но сейчас все печально. Документов при нем обнаружено не было. По картотеке без вести пропавших он не проходил. Никто из родственников не подавал заявления о розыске. Отпечатков его пальцев в нашей картотеке нет... Так странно – как будто и не было такого человека. Но это же невозможно. Где-то следы его должны быть! – Похоже, он сам был растерян.

– Может, он сидел в лагерях? И его выпустили? – предположила Зина.

– Тогда бы у нас точно были бы его отпечатки пальцев, – мотнул головой Матвеев. – Все отпечатки тех, кто сидел, есть в нашей картотеке. Вчера мы проверили – никаких следов.

– Действительно странно, – Зина задумалась. – Как такое может быть – человека, которого никто не ищет?

– Может быть и не такое! – снова вздохнул Матвеев. – Я тут уже, несмотря на возраст, такого насмотрелся! Все эти семейные, родственные, любовные отношения – это же просто иллюзия! На самом деле все, что есть у человека, – это одиночество.

– Человек рождается один, и умирает один, – процитировала Зина на память, причем сама она не помнила, откуда эти слова.

– Верно, – кивнул Матвеев, – так что нет ничего странного в том, что мы не можем опознать этого человека.

На самом деле Зине все это было знакомо. Она насмотрелась разного, каждый день проводя в этих стенах. Именно здесь была настоящая правда, та последняя истина, понимание которой приходит слишком поздно. Зину всегда преследовало чувство, что после смерти люди начинают говорить громче, чем когда-либо при жизни. Они рассказывают о себе, обо всех своих ошибках и грехах, которые привели их сюда – на этот оцинкованный стол, как в последнюю гавань этого земного мира, не отказывающую в приюте никому и никогда. И говорят по одной простой причине: иногда молчание бывает громче крика. Нужно только услышать их вовремя. А самым громким голосом бывает тот, который не слышен…

Крестовская и Матвеев вошли в помещение ординаторской, знакомое ей до мелочей. Вот и ее стол… Зина подошла, провела рукой… Он был девственно чист.

– Людей по-прежнему не хватает? – улыбнулась она.

– Хотите вернуться? – без тени улыбки спросил Матвеев.

– Не думала об этом, – качнула Зина головой.

– Неправда! Еще как думали! И сейчас думаете! – воскликнул вдруг Матвеев. – Только вы пока не вернетесь.

– Я знаю, – вздохнула Зина, пожав плечами, отведя глаза в сторону. Ей вдруг почему-то расхотелось говорить.

Дверь распахнулась, и на пороге появился мужчина лет 50-ти. Высокий, в белом халате, очень худой, с большими залысинами на висках. Взгляд приковывали густые, просто какие-то невероятные усы – черные с сединой.

– Доброе утро! – поздоровался он довольно приветливо и обернулся к Зинаиде: – Вы можете готовиться. Жду вас в первой прозекторской через двадцать минут.

– Это главный патологоанатом, – поспешил пояснить Матвеев, – вскрытие вы будете проводить вместе. Знакомьтесь, – запоздало представил: – Кобылянский Валерий Сергеевич. Очень хороший специалист.

– А где Николай Степанович? – опешила Зина.

– Его больше нет, – Кобылянский старательно отвел глаза в сторону. – Меня назначили вместо него. – И тут же затараторил: – Я о вас очень много слышал! Знаю, что вы были любимой ученицей Каца. Я тоже учился у него!..

– Валерий Степанович заведовал моргом одной из городских больниц, – прервал его Матвеев, поясняя.

– Понятно, – сухо произнесла Зина.

– В общем, я… Я жду вас, – Кобылянский вышел из помещения. Зина начала переодеваться.

Уже через пару минут она стояла возле стола в прозекторской, растерянно глядя на скрытое под простыней тело и чувствуя себя так, словно присутствует на своем первом вскрытии.

Странное чувство возвращения прошлого испугало ее. Как все сильные, деятельные натуры, Зина прошлого не любила. Она старалась изо всех сил, стремилась жить дальше. Идти вперед, чего бы ей это не стоило... Собравшись, она отогнала все неприятные мысли.

– Скажите... – до предела понизив голос, Крестовская перегнулась через стол, – скажите, Николай Степанович арестован?

– Да, – тихо подтвердил Кобылянский, – сына его расстреляли как врага народа. А потом забрали и Николая Степановича.

– Он так верил, что спасется, – на глаза Зины помимо ее воли навернулись слезы, – все делал для этого... В морг пришел, сотрудничал с НКВД...

– Тихо, умоляю... Ничего больше не говорите, – прошептал Кобылянский, – здесь все прослушивается. Я рад, что мы с вами мыслим одинаково.

– Господи, он так верил в свое спасение! – вздохнула горько Зина.

– Мы все в это верим, – отозвался глухо Кобылянский.

Ровно через два часа Крестовская и новый начальник морга сидели в кабинете. Она с тоской взглянула на стенку, в которой отчетливо виднелась ниша – тайник Каца, где тот хранил запасы коньяка. Кобылянский поймал ее взгляд.

– Да, знаменитый тайник. Я тоже о нем наслышан, – улыбнувшись, он встал, открыл скрытую дверцу, достал бутылку дорогого армянского коньяка и два стакана. Налил в них две щедрые порции. От ароматного напитка воздух наполнился устойчивым запахом. Отпив, Зина отметила:

– А хороший коньяк пьете! Пациенты благодарят?

– Еще как! – улыбнулся Кобылянский. – Вы же знаете: наши пациенты иногда бывают самыми благодарными...

И у Зины потеплело на душе – она вдруг поняла, что с этим человеком сумеет найти общий язык.

Спустя какое-то время оба они склонились над столом – нужно было написать отчет для Матвеева. И оба они не знали, что писать.

– Никогда такого странного вскрытия у меня не было! – в сердцах воскликнула Зина.

– Что вас смущает? – удивился Кобылянский. – Человек в солидном возрасте, лет 75-ти, мы же с вами определили. Почему же ему нельзя умереть естественной смертью?

– Но это не может быть естественная смерть! – настаивала Крестовская.

– Зинаида, вы же сами видели... – попытался остановить ее Кобылянский.

– Да, видела, но... Чистые сосуды! Нормальный кровоток. Ни одного тромба, ни одной закупорки!.. И это в 75 лет! А точка кровоизлияния... Она настолько незначительная, что... Я просто не понимаю! – Зина развела руками.

– Тем не менее, в заключении придется написать правду, – вздохнул Кобылянский.

– Это неправда, – резанула Зина. – Я не знаю пока, что это такое, не могу понять. Но рано или поздно я узнаю...

Матвеев ждал ее во дворе морга. С недовольным выражением лица Зина протянула ему заключение, и он быстро пробежал бумажку глазами.

– А... своими словами можете сказать? – взглянул он робко: было понятно, что потерялся в терминах.

– Могу, – хмыкнула Зина. – Этот старик умер естественной смертью. От инсульта.

– Чуденько... – Матвеев расслабился и покосился на Зину: – Значит, уголовное дело можно закрывать?

– Черта с два! – На Крестовскую начал действовать выпитый коньяк. – Этого человека убили! Его убили, понимаете?

– Вы можете это доказать? – Матвеев весь подобрался.

– Нет, не могу, – покачала головой Зина. – Я даже не знаю, как его убили. Не говоря уже о чем-то другом. Но я чувствую, что он был убит каким-то очень хитрым способом.

– Эмоции, это эмоции! Документы показывают другое, – Матвеев потряс заключением.

– Это был абсолютно здоровый человек! – воскликнула Зина. – Все в норме – сердце, почки… Ему еще жить и жить! С таким организмом мог дотянуть до девяноста! Тем более… – она осеклась.

– Что – тем более? – тут же оживился Матвеев.

– Я обнаружила одну интересную особенность, – помолчав заговорила Крестовская. – У этого человека была анемия. Причем уже на уровне клеточных изменений, в общем, очень давняя анемия…

– Что это значит? – не понял Матвеев.

– Он не ел мяса, – пояснила Зина, – получал только растительную пищу. Ну, каши там, овощи, хлеб… И содержимое кишечника подтверждает это… То есть этот человек был вегетарианцем, и уже очень давно не употреблял мяса. Годами! Но это не вредило его здоровью, наоборот. У него не было холестерина, жировых отложений… Но для человека в нашем мире это достаточно странно – не есть мяса…

– Да, интересная деталь… – задумался Матвеев. – А как вы думаете, почему?

– Ни малейшего представления не имею! – Зина разверла руками. – Но причина этому была. Должна была быть…

– Думаю, все станет понятно, когда мы установим его личность, – сказал Матвеев, – тогда будет и причина, и следствие. Все для нас!

– Двусмысленно звучит, – поморщилась Зина.

– Да? Как-то не заметил… – растерялся он.

Крестовская неожиданно для себя рассмеялась, уже не пытаясь скрыть, что кокетничает с ним. Ей было плевать! На душе у нее было легко и спокойно. А все остальное не имело больше никакого значения. В конце концов – кому какое дело? Это была ее жизнь!..

– Я допрашивал родственников старушки-библиотекарши, – Матвеев, закашлявшись, резко перевел тему, – но никакой новой информации от них не получил. Они вообще… ну… приурковатые какие-то… О матери даже не беспокоились. Ну как так можно? Человек пропал, дома долго нет – а им без разницы. Шкуры…

– Вот интересно было бы выяснить… – задумалась вслух Зина, – а этот старик… Могли он знать библиотекаршу? Возраст у них почти одинаков. А если они могли быть знакомы, и в этом кроется причина смерти?…

– Да, это возможно, – согласился Матвеев.

– Но опять-таки – рассказать об этом смогут только родственники женщины. И, кстати, я готова сделать тебе подарок, – улыбнулась Зина, переходя на «ты».

– В смысле? – насторожился Матвеев.

– Рассказать кое-что важное. Этот старик, убитый… Ну, предположим, что убитый. Он не занимался тяжелым физическим трудом. Чем бы он ни зарабатывал себе на жизнь, тяжелой физической работой он не занимался. Не работал на стройке, не таскал камни. Это может тебе пригодиться при установлении личности.

– Да, ты права, – серьезно кивнул Матвеев. – Это точно подарок. Знать бы еще, в какую сторону идти.

– Ты иди, это главное. А жизнь сама подскажет тебе направление, – произнесла Зина, сама не веря в свои слова и недовольная тем, что попыталась избавиться от Матвеева такой избитой фразой.

Но он ничего не понял – стал что-то сосредоточенно записывать в блокноте, глядя на оформленный Кобылянским протокол вскрытия. Зина тяжело вздохнула. Даже вот так, сосредоточенный, в рабочей обстановке, он был удивительно хорош собой! Глаза ее просто не могли

оторваться от его лица. И она испытывала очень странное чувство – словно сдерживая восторг, заглянула в запретый проем, за которым вдруг обнаружилась выворачивающая душу бездна...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.